

Литературный альманах

Выпуск 4

Милая сторонушка

ББК 84(2Рос=Рус)6(2Рос-4Вог)

М 60

Составитель
Е.П.Страчкова, зам директора по информационной работе

Редактор
Е.А.Великанова, методист инновационно-методического и библиографического отдела

Художник-оформитель
Т.И.Лялькова

Для оформления обложки использованы работы
П.Станогина, Г. Закомолдина, И. Шеремета

Выражаем благодарность за финансовую поддержку совету ТОС «Волгоградский» в издании четвертого выпуска литературного альманаха «Милая сторонушка»

Милая сторонушка: литературный альманах. Вып.4 / МУК «КМЦБ», Инновационно-методический и библиографический отдел; сост. Е.П.Страчкова; ред.Е.А.Великанова. - Калач-на-Дону, 2012. - 135с.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя…….. 4
Батраева Арина …… 5
Блинникова Виктория …… 6
Демкина Юлия …… 6
Маслюкова Елизавета …… 8
Чеботарева Дарья …… 9
Воробьева Екатерина …….. 10
Бударин Олег ……... 11
Варламова А.Я. …… 13
Васильченко Л. А. ……... 18
Вириитина И.К. ……... 32
Гавриленко Е. ……... 38
Горбатова П. К. …… 39
Гуреев П.В. ……... 49
Дорофеева Л.К. ……... 52
Закомолдин Г. А. …… 56
Корпусова Л.С. …… 57
Кучменко А. А. …… 61
Ломакина Е. …… 67
Мамонтова Л.А. ……... 78
Павлов Ю.В. …… 90
Палкин Б. М. …… 96
Погорелова Т. П. …… 97
Понамарева Ирина …….. 100
Пономарева Г.Н. ……... 102
Сауткина А. Н. …… 103
Севостьянов Егор …… 105
Скороходов В. И. …… 107
Соколова О. М. ……... 114
Торопова М. Н. …… 115
Турченков Н. С. ……... 117
Церковникова Н.В. …….. 120
Черушева Н.И. …… 123
Шавкунова Э.Л. ……... 124
Шарова Л.Н. …… 125

Содержание

Дорогие читатели!

Поэт – это, прежде всего человек особенного склада, особенной духовной организации, обладающий и пребывающий в неповторимом состоянии – вдохновения.
Не стоит думать что творчество – это удел избранных.
На самом деле в жизни всегда есть место для творческого подхода.
Главное не сомневаться в себе и попробовать взглянуть на мир по-новому, как это делают участники литературно-музыкального салона «Вдохновение».
Каждый участник – это целая эпоха, целый мир.
Кого-то привлекают картины природы; кто-то передаёт в своих строках бурю страстей, чувств;
кто-то откровенничает с читателем, кто-то философствует;
кто-то говорит о дружбе, любви; а кто-то обо всём этом вместе.
Свое творчество они дарят всем читателям литературного альманаха.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР С ВОСТОРЖЕННОЙ ЮНОСТЬЮ

У каждого человека в нашем огромном мире свое понимание поэзии.
Стихи юных поэтов – искренние, добрые, наполненные любовью к миру.
Главная их черта - чистота и открытость. Знакомьтесь!

Победители и финалисты городского конкурса поэтических работ «Юный поэт»

Содержание

БАТРАЕВА АРИНА

МОУ СОШ № 4, 8 «Б» класс, 14 лет

ГОРОД У ДОНА

Над Калачом сверкало солнце,
В реке купалась детвора,
Шли корабли к своим причалам,
И радость, радость без конца!
Жил город мирно и спокойно,
И Дон плескался в берегах,
И не могли себе представить,
Что все закончится на днях.
Все закружилось в вихре смерти.
Война, война! Печаль и крик.
И плачут взрослые и дети,
Как будто рухнуло все вмиг!
Кто мог подумать, что Россию
Посмеет враг придти топтать.
Как не понять, что дух России
Не победить ему никак.
Посмел. И небо почернело
От множества железных птиц,
А по земле полезли танки…
И город в ужасе затих.
Невыносимо было трудно,
Но победили мы врага.
Деревья вновь заговорили,
И Дон сверкает в берегах.
Так хочется увидеть город
В прекрасных красках над рекой,
Чтобы мечты сбывались в детях,
И свет струился неземной.

Город воинской славы,
Город славных побед,

Нет, и не будет прекрасней,
А уж милей – точно нет!
Все мы гордимся тобою,
Все прославляем тебя.
И Калачевской землею
Все мы гордимся не зря!

БЛИННИКОВА ВИКТОРИЯ

МОУ СОШ № 4, 6 «А» класс

Содержание

ПОМОЩНИЦА

Маме с папой помогаю!
Я и с братом погуляю!
Папе вымою машину,
Натерев, ее я мылом!
Маме кашу сахарю,
Сладкое ведь я люблю!!!
Я одежду постирала.
В тазик вдруг
Гуашь упала!
Что мне делать,
Как мне быть,
Как все это отбелить?
Долго думать я устала!
Ведь красивой кофта стала!!!
Будет мама
Рада ей
Новой кофточке своей!!!

ДЕМКИНА ЮЛИЯ

МОУ СОШ № 2, 8 класс

Содержание

КАЖДОМУ СВОЕ

Каждому – свое,
И счастье, и обман.
Каждому – свое,
И радость, и дурман.
Но для меня, как не крути,
Мечтанья лучше не найти.
Как ветер в соснах завывает
И сны все в быль он обращает.
Нет лучшей для меня награды,
Чем гор перелетая гряды,
Взмахнуть свободной парой крыл

И ощутить как Серафим
Бывает счастлив в небесах.
Как вольный ветер в волосах
Играет песнь волшебную,
От всех невзгод лечебную.
Как ощутив прибрежный бриз,
Исполнишь главный свой каприз,
Исполнишь жизни всей мечту,
Воззришь всю эту красоту.
В полете птичьего свободе,
Отдашься неизменной моде,
И затаив свое дыханье,
Поймешь миров очарованье.
Поймешь святую гордость гор
И прелесть северных аврор,
И юга жаркую красу,
И песню иволги в лесу.
И может быть, тогда покой
Не будет мукой вечной
Для бурной, для твоей души,
Исполненной одной мечты.
Но каждому – свое,
И горесть, и мечта.
Но каждому – свои
Даны лета.
И для меня, как не крути,
Но жизни лучше не найти.
Как ветер мысли ободряет
И образ в строки облекает…

ЗВЕЗДНАЯ МАГИЯ

Звезды, звезды! С давних пор
Приковали вы навеки
Человека жадный взор.
И в звериной шкуре сидя
Возле красного костра,
Непрерывно в купол синий
Мог глядеть он до утра.
И глядел в молчанье долгом
Человек в простор ночной
То со страхом, то с тревогой,
То с неясною тоской.
И когда с мечтою вместе
Сказка зрела на устах
О загадочных созвездьях,

О неведомых мирах.
И с тех пор живут на небе,
Как в ночном краю чудес,
Водолей, Стрелец и Лебедь,
Лев, Пегас и Геркулес.

Содержание

МАСЛЮКОВА ЕЛИЗАВЕТА
МОУ СОШ № 1, 11 класс, 16 лет

Я – ЭТО Я

Я – это я, я – это я,
Я – это солнце в глубинах ручья,
Я – это лунный загадочный свет,
Я – это город, которого нет,
Я – это дымки прозрачной мечты,
Я – это первые в мире цветы,
Я – это радуга на небесах,
Я – это колокольчик в словах.
Я – это листья упали, кружась.
Я – это жемчуг, в пучине нашлась,
Я – это холод, укутанный льдом,
Я – это роза, расту под окном.
Я – это мерный и ровный прибой,
Я – это сумрака гладь под луной,
Я – это просто живущий свой век,
Я – это я, а я – человек!

ПАРЕНЬ С ГИТАРОЙ

На обычной скамеечке в парке,
Под высоким развесистым кленом,
Сидел паренек с гитарой,
Наслаждаясь природы звоном.
Он мечтал о небесных далях,
И листва на деревьях шумела.
Вдруг на ветку присела птица
И тихо красиво запела.
Паренек тогда взял гитару,
Заиграл, было не оторваться.
Замерло все движение рядом,
Стали музыкой все наслаждаться.
А мелодия тихо звучала,
Заставляя людей улыбаться,
Или тихо плакать сначала,
А потом словно дети смеяться.

Пальцы быстро скользили по струнам,
Разливая по парку сиянье,
И затихла даже природа,
Столько в воздухе очарованья.
Каждый, кто эту музыку слышал,
Предавался воспоминаньям.
Счастьем светились лица,
Кто-то даже отдался мечтаньям.
До заката играл этот парень,
А когда уже в парке стемнело,
Все открыли глаза и увидели,
Что скамейка его опустела.
Люди верили, что это ангел был,
За мелодию столь непривычную.
А то был паренек простой
С гитарой самой обычной.

Содержание

ЧЕБОТАРЕВА ДАРЬЯ, **18 лет**

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю это небо,
Я люблю эту землю.
Я люблю, когда ветер
Гонит листья по свету.
Я люблю затаиться
В темно-синем просторе
И в мечту погрузиться,
Будто в синее море.
Я люблю, когда птицы
Гнезда вьют на деревьях,
Я люблю, когда солнце
Греет нежно всю землю.
Я люблю, когда чайка
Кружит тихо над речкой,
Я люблю, когда папа
Дарит маме колечко.
Я люблю свежий-свежий
Цветов аромат,
Я люблю любоваться на вечерний закат.
Я люблю, когда счастье
К нам приходит вновь,
И люблю, когда в сердце
Живет любовь.

ПРИРОДА РОДНОГО КРАЯ

Как ты мила, прекрасна
Природа родного края.
Любуюсь тобой, как сказкой,
Земля ты моя родная.
Любуюсь твоими холмами,
То снежными, то зелеными,
Любуюсь твоими полями
Солнышком озаренными.
Любуюсь малиновым звоном,
Закатом и светлым рассветом,
И тихим Батюшкой-Доном
Зимой любуюсь и летом.
Такое большое счастье
Смотреть на все это, вздыхая,
Ведь нет ничего прекрасней
Природы родного края!

Содержание

ВОРОБЬЕВА ЕКАТЕРИНА, 18 лет

И СЕРОЕ НЕБО…

И серое небо… и дым под ногами,
И сильный, порывистый, стонущий ветер.
Какой-то служивый сидит перед нами,
Он ранен, но все же, по-прежнему весел.
«Не бойтесь, ребята!
Все будет прекрасно,
Вражину спровадим с родимой земли.
И нам ли бояться, что очень опасно,
Мы только бы выдержать это смогли…
Эх, мамка, сестренка…
Скучаю я сильно.
Мое письмецо пусть быстрее дойдет!
И как-нибудь утром,
С побудкою звонкой
Ваш сын и братишка
Вдруг в хату войдет.
Эх, жизнь молодая…
Проходишь ты рьяно,
В груди моей боль и в ноге та же рана,
Но все же доволен судьбою такой,
Что мне суждено защитить тебя, Родина,
Тебе принести и мир, и покой».

И с криком «ура!» он уносится вдаль,
Навстречу опасности, подвигу…
Ему не нужна никакая медаль –
Ведь служит он только народу.

Содержание

БУДАРИН ОЛЕГ

МОУ СОШ № 1, 6 «Б»

Олег не участник конкурса «Юный поэт», он стал победителем в конкурсе художественного слова «В глубине строки» (номинация «Героическая твердыня»). Знакомство с Олегом помогло раскрыть его дар к сочинительству.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Брест, начало войны,
Еще далеко до победной весны.
Ныне снятся ветеранам кошмарные сны,
Ужасного дня начала войны.

В Смоленском танковом котле
Солдаты погибли не все.
Еще многие в плен попали,
Очень сильно они там страдали.

Местных жителей в концлагеря отправляли
И солдаты туда ж попадали.
Для фашистов у них, там, из вен кровь брали,
В газовых камерах их после убивали.

Под Москвой, Сталинградом много сражалось советских народов,
Работало в стране много заводов.
Под Курском в танковом бою победили,
Свою и чужие страны освободили!

Берлин был взят
И над Рейхстагом победный флаг поднят!

ТАРАН

Летчик в Яке летит,
Мотор Яка звенит,
Враг в кабине убит,
Самолет врага наземь сбит.

Бой страшный воздушный идет,
Захлебнулся вдруг пулемет!

На таран идти решил первый,
Впился в крыло Хенкелю винт его резвый.

И разбились оземь два самолета,
Хенкель зла и Як героя.
Ныне плачет мать его дома,
Не дождалась с войны сына-героя.

ПЕХОТА

Летчик в самолете с неба штурмует,
Танкист в танке, на земле атакует.
Но есть еще пехота,
Трудна у них работа!
Лучшими укрытиями служат для пехоты
Лишь грязные окопы, да дзоты.
Воюют они и в лесах,
Воюют они и в болотах,
Там где не пройдут бойцы в танках,
Там где не пролетят бойцы в самолетах.
Тяжелая пехоте досталась доля,
Сражаться без брони среди поля.
Но ждут и надеются родные их дома!

АФГАНИСТАН

Прислали в Афган, не предупредив никого,
А там уж сказали: «Приказ: давайте в ружье!»
Афганистан - горы, да пустыни,
У всех бойцов уже потрачены все силы.
Но есть приказ: «Идти вперед!»
И выполняет из последних сил приказ российский взвод!
Мальчишки, а уже в горячей точке.
И рвут оружием враги их на кусочки.
Но что ж поделаешь – интернациональный долг.
И вот какой уж раз русский солдат союзникам помог!
Ведь для того, чтобы весь мир сказал: «Войны нет!»
Об этом должен позаботиться весь свет!

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

В самый праздник, в Новый год
Дед Мороз ко всем придет!
Всем подарки он подарит,
С Новым годом всех поздравит!
Елка, цветом наливаясь, над подарками стоит,

Очень-очень рано утром ребятня к ней прибежит!

Поэзия давняя, любимая страсть человечества. И как хорошо, что есть те, кто вовремя нашел и сказал людям нужные слова – иногда бодрые и добрые, а иногда горькие и ироничные, и сказал так, что ему захотели поверить.

ВАРЛАМОВА АНТОНИНА ЯКОВЛЕВНА

Содержание

Я БРЕДУ ПО ТРОПИНКЕ

Я бреду по тропинке
Извилистой, узкой,
По ковыльной степи,
Что к Дону ведёт,
И любуюсь берёзой,
Поистине русской,
Что вдоль балки,
На склоне крутом растёт.
На ветвях у неё -
С малахита серёжки,
Изумрудные листья –
Словно коса,
Белый ствол, в конопушках -
Чернявых немножко,
Красиво, по-девичьи -
Сложенный стан.
Предо мной расстилается
Дон всемогущий,
Умывается берег
Нежной волной,
Наклоняется низко
Ракитник цветущий,
Лодку рыбачью,
Прикрывая собой.
По тропинке бреду,
Настежь с сердцем открытым,
Всю душу излив,
Тебе, Батюшка-Дон.
Твои песни казачьи
Никем не забыты,
Кто живёт на Дону,
Божьим даром
любить наделён.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Здравствуй, малая Родина,
Здравствуй, Батюшка - Дон,
Здравствуйте, люди Придонья
И детство забытых времён.
Здравствуй, малая Родина,
Здравствуй, Батюшка - Дон,
И трава придорожная,
Тропа, что вела меня в дом.
Здравствуй, ива кудрявая,
С грустью глядящая в Дон,
Помнится, как рыбалили
С соседом и другом Петром.
Помню от взрывов кипела
В годы войны вода,
Над Доном сирена ревела,
Алую пену несло к берегам.
Помню, как вдовы рыдая,
Шли солдат хоронить,
Ночи не спали, спешили,
Для фронта одежду чинить.

И, Память предстала как явь,
Солнца лучи ослепили,
А слёзы лились без преград…
Дети войны,
войну не забыли.

Сердце от слёз растопилось,
Забило горячим ключом,
Небо в глазах раздвоилось,
Звёздным ковром
опрокинулось в Дон.

НЕ НАДЕЙСЯ НА БОГА

Живём на планете
в природном пространстве,
Нам бы вместе с рассветом
мир объять необъятный.
Живя на планете -
чудеса созидать,
Всему удивляться, и
жемчуг сердец рассыпать.
Уметь страхи бороть, -

(борьба будет сложной),

Не надейся на Бога…
Хоть Всесилен Господь, сам -
Будь во всём осторожным:
Ложь от правды умей
отличать,
Лицемерие от
враждебности,
Добром врага умей
изличать,
Не завидуй тропе
неверности.
Живём на планете
в природном пространстве,
Выбираем свой путь,
что по жизни ведёт,
Каждый по-своему
видит счастье,
В трудный момент –
гимн Богу поёт.

НЕ СУДЬБА

Всю жизнь иду по краешку обрыва,
Словно по острой бритве, не боясь,
Где оступлюсь, поплачу без надрыва,
И выпрямляясь, крепче становясь.
То детство, что война в момент украла,
Могло бы многое для счастья дать,
Но не судьба. Война как кобра злая,
Как смерч, способный только разрушать.

***

Покрывается златом планета,
Бархатным слоем ложится туман,
Птицы воркуя, прощаются с летом,
Влюблённое сердце прощает обман.
Сентябрь за окнами песни поёт,
Осень прохладой дни притеняет,
Щедро природа дары раздаёт,
Народ на Руси – свадьбы играет.

ЧАША СЧАСТЬЯ

Я всегда открытою была:
Выражала чувства
что на сердце,
Словно по небу
лебёдушкой плыла,

Так хотелось быть
твоей невестой.
Мне казалось
что судьба в руках,
Что любовью
обоюдно дышим,
Высоко взлетала –
душу нараспах,
О земном мне
не хотелось слышать.

Время шло, бежали день за днём,
Небо покрывалось облаками,
Тучи чёрные гонимы ветерком,
«Душу нараспах»
на землю звали.
О земном и думать
не могла,
Я цвела, от счастья -
песни пела,
А, подруга тихо,
кошкою вошла -
Чашей счастья нашей
завладела.

ДУША

Осенний дождь – синоним - грусть,
Стучит в окошко, ну да пусть,
Пусть грусть проходит не спеша,
Под дождь поёт моя душа.
Поёт романсы про любовь,
Танцует нежно «вальс цветов»,
Кружит и над дождём, смеясь,
Душа рисует свой пейзаж.

СНЕГ

Снег срывается с неба лучистый,
На морозе блестит серебром,
Покрывалом ложится искристым,
И в сердцах разжигает огонь.
В снежной шубе румянец играет,
Словно звёзды сияют глаза,
А сердечный огонь полыхая,
Подвигает любовь к чудесам.
На снегу даже роза не вянет
И не гаснет цвет гроздей рябин,
Снег божественно душу дурманит,
Чтоб влюблённый был тоже любим.

ПОМОГИ МНЕ В МЕЧТУ ПОВЕРИТЬ

Я утонула в глазах твоих,
Длинных ресниц ощутила шёлк,
Луна светила для нас, двоих,
Бархатом дул, ночной ветерок.

Встречи с тобою долго ждала,
И много сказать собиралась,
А, встретив, что-то, вдруг, поняла…
Сердце твоё, с моим, рассталось.

Смятенье я скрыла, встряхнулась,
Взлетела птицей от чувств, своих,
Сольным танцем всё обернулось…
Не сложился сонет для двоих…

Боль души по ветру пустила,
Пусть те следы, заливает дождь…
Любовь распознать – я не в силах,
Где настоящая… – не поймёшь…

Ветер тучи разводит в ночи,
И не раз мне стучится в двери…
Своё сердце прошу: не молчи…
Помоги мне, в мечту поверить.

РАЗЛУКИ БОЛЬ

Весною прилетели журавли,
Мелодией Шопена веяло,
Тюльпаны океаном расцвели,
Касатик распустился веером.
И в сердце нежно дух заговорил:
«Весною вся природа обновляется,
Прости обидчиков, за всё прости,
Пусть совесть их,
для них,
судьёю явится.
Услышь в прелюдиях Шопена ты,
Торжественную ноту полонеза,
Лиризм мазурки, что весны цветы,
Откроет тайны,
жизнью, не изведав».
Сады весною дружно отцвели,

А песня журавлиная с размахом
Из-под небес звала любви дожди,
Разлуки боль, разбрасывая прахом.

ВАСИЛЬЧЕНКО ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА

Содержание

НАВАЖДЕНИЕ

Прилетают слова ниоткуда,
Улетают слова в никуда,
Оставляют прозрачное чудо
Хрупких фраз, как кристаллики льда.
Осторожно их нижешь на нитку
Стихотворной несмелой строки.
Эту самую сладкую пытку
От своей получаешь руки.
Эту самую сладкую муку
Для себя выбираешь опять,
Чтоб, самой же, в придуманных звуках
Свою суть, наконец, отыскать.
Доведут до телесного зуда,
Может быть, не оставят следа,
Те слова, что пришли ниоткуда,
Те слова, что ушли в никуда.

СИНИЦА

Мне вчера поведала синица,
Как грустит о синеглазом лете,
Как ночами зимними не спится,
В ветках стережёт морозный ветер.
Как стремится белая позёмка
Замести все помыслы о лете,
Как мороз расчётливо и звонко
Раздаёт по солнечной монете.
Веточки пушистые, как летом,
Только вместо листьев стынет иней,
Дышит лес дремотно-белым светом,
Как на зачарованной картине.
Щедро сыпет зёрнышки-снежинки
Серая разросшаяся туча.
Только не склевать их: половинки
Ставень не пускают снег колючий.

Как постыли зимние законы,
Страшно от холодных снежных мистик.
И сама на гибкой ветке клёна,
Как живой зелёно-жёлтый листик.
Жёлтым жаром прожигает стужу,
Торопя весенние разливы.
Между веток тёплый лучик кружит,
Оставаясь всё равно счастливым!

ЗОРЬКА

Лавандовая утренняя зорька
Коснулась век, приход её не слышен.
Степной рассвет, дыша полынью горькой,
Причёски поправляет старых вишен.
Медовый луч течёт медовой каплей,
И вот застыл на кончике ресницы,
Вдруг в зеркало вонзился точной саблей,
Осмелившись, прошёл по половице.
О, утренняя мягкая истома
Меня не отпускает и лелеет,
Знакомый мир вдруг стал полузнакомым.
Кто эту сказку умолчать посмеет?
И я томлюсь и наливаюсь светом,
Наполнена до ясности прозренья,
Хочу сейчас быть, именно, поэтом,
Писать и жить в своих стихотвореньях.

МОЙ ДЕНЬ

У меня сегодня день рожденья
И совсем неважно сколько лет.
Пусть года устали от круженья,
Но в душе цветёт весенний цвет.
Зеркало уж больше не подружка,
И в походке поугас полёт.
А ночами мягкая подушка
Медленным минутам счёт ведёт.
Но в стихах могу я куролесить,
Рифмами устроить чехарду.
Пусть годами я шесть раз по десять,
А в душе - девчонкою иду.
Радуют и подрастают внуки,
В детях мне особенно везёт.
Муж не будет умирать от скуки

Список дел? Конечно, наперёд.
Только с ним такая незадача,
Там, где сел, так тут же и вокзал.
И спасибо Богу за удачу
Да, за ту, какую мне послал.
В мир смотреть широкими глазами
И стараться подарить добро.
Я какая? Знаете вы сами,
Промолчу, хоть слово серебро.
У меня сегодня день рожденья,
В этот день меня увидел свет,
И хочу заверить без смущенья,
Что в душе всегда 17 лет.

ВИШНЁВЫЙ ЗАКАТ

Разлит закат вишнёвым соком,
Ползёт зелёной змейкой хмель.
Что в имени твоём высоком,
Мой, тихо льющийся, апрель?
Что рано так расцвёл терновник,
Пустив по балкам сизый дым?
Луны серебряный половник
Не манит донышком пустым.
И что же нам на целом свете
Так мало места для двоих?
Расскажешь мне об этом, ветер?
Но он молчит, в ветвях притих.
Спешить давно уже не нужно,
Что не ждала - произошло:
Столкнулись взгляды - стало душно
И небо под ноги ушло.
И профиль твой античной лепки
Потом в случайном сне мелькнёт,
И ищем, мучаясь, зацепки,
Кого кто в жертву принесёт.
Мы на закланье безоглядно
Идём, немея от гордынь,
И знаем, знаем, что не ладно,
Забыв про нежность, пить полынь.
Закат окрасил подоконник,
Смешав со светом акварель.
И каждый год цветёт терновник,
Для нас, чужих, поёт апрель.

***

Я полвека пишу стихи,
Их терплю и на них надеюсь,
Я о них говорить осмелюсь:
Моя радость, мои грехи.
Моя мука, моя душа,
Моя кара, моя награда,
Поделиться я ими рада,
И читаю их, не спеша.
И увидев в глазах других
Тихий свет, я шепчу губами:
Будь, Господь, всегда вместе с нами,
Просветли трудный слух глухих.

ИВЫ

Чистым зелёным потоком
Ивы с пригорка струятся.
Мне к их приникнуть истокам,
Так же стоять, не ломаться,
Так же упруго встречая
Ветры и злое ненастье,
Светлому дню поручая
Тёплое женское счастье,
Гибкость, терпенье и нежность
В буднях простых и не очень,
Черпать и сеять безгрешность,
И молча ждать многоточий…

ЧЕТВЕРГОВОСТЬ

В объяснении не вижу я смысла,
Далека от безумных затей.
Надо мной ожиданьем нависла
Память всех четверговых дождей.
Тех, какие уж если приходят,
Твой ко мне освящая приход,
Бытие в многозвучность уводят:
Водопад, водолёт, водоход.
А моя четверговая слабость
Принесёт на дождливой заре
Стуком сердца рождённую кратность:
Снова будет весна в сентябре!

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Наполненный томленьем будуар,
Шампанское исходит пузырьками.
Мадемуазель, как жаль, что я не с вами,
И не во мне пылает ваш пожар.
И что не я склоняюсь над свечой,
В её спокойном пламени сгорая,
И что не я, дрожа и замирая,
Хочу согреться ледяной парчой.
И не ко мне через слепящий снег
Несётся конь и с искрами подкова,
А губы шепчут, как молитву, слово,
Сплетённое из пламени и нег.
Но всё же, через эти сотни лет
Я чувствую дыхание. Губами
Ловлю слова. И тайна между нами,
Что смерти у любви, как видишь, нет.
А есть струна, которая дрожит,
Вбирая страсть, передавая дальше,
Струна звенит, и звук её без фальши:
Любовь - её никто не избежит.

ЛЕТО

Жёлто-белое ромашковое лето
Побежало по тоскующим лугам,
Распевает бесконечные куплеты,
Их кукушка повторяет по слогам.
Поправляет на акациях косынки,
Красит сосенкам иголочки ресниц,
Нам печатает весёлые картинки
Со своих цветочно-лиственных страниц.
Щедро дарит нас смородиновым вкусом
И арбузно-дынной свежестью взахлёб,
А душистые малиновые бусы
Набивают нам оскоминный озноб.
Бело-жёлтая ромашковая сказка:
Серединой года вместе дни слились.
Всё, как в нашей жизни: в них печаль и ласка,
Слёзы и улыбка, взлёт, скольженье вниз.
Бело-жёлтое ромашковое чудо
В соловьиных рощах стережёт рассвет,
Но оно проходит, и зимою буду
Согреваться эхом солнечных легенд.

***

Пьянею от сладкой сирени,
Что льётся потоком в окошко.
Мечта в фиолетовой пене
Меня будоражит немножко.
Ищу в фиолетовом мире
Пятилепестковое счастье,
Но лучиков только четыре
Мне нежно ласкают запястье.
А лучиков, в звёздах цветущих,
Четыре, как стороны света,
Как четверо важных ведущих:
Зима, весна, осень и лето.
Четыре пути в перекрёстке
Связались узлом неразлучным.
В четыре волшебных полоски
Вошёл в скрипку мир полнозвучный.
И в сутках четыре ступени
День - вечер, ночь - утро рождают.
Живём, нас на жизненной сцене
Четыре стихии венчают.
Земля, вода, воздух и пламя.
Мы в них, они в нас отзовутся,
Четыре стихии, и с нами
В могучем единстве сольются.
И Крест, наложив рукотворно,
На лоб, на живот и на плечи,
Себя ищем в мире огромном,
Мы Душу спасаем и лечим.
Четыре, как будто охрана,
Четыре строки у куплета,
Четыре больших океана
Родную качают планету.
Поэтому пусть потерялось
Пятилепестковое счастье.
Сирень меня нежно касалась -
Весеннее Божье участье.

ГЕОРГИНЫ

Пламенем пылают георгины
Строгую торжественность даря
Цвета настоявшейся рябины,
В карточке визитной сентября.

Застывают кружевным фонтаном,
Струями взметнувшихся стеблей,
Быстротечным ласковым капканом
Драгоценных предосенних дней.
Лишь смотрю, не смея прикоснуться
К этой невозможной красоте.
Молча жду, когда слова найдутся…
Вот они, но всё равно не те…

***

Песня возникла и смолкла,
Как тает в костре уголёк.
Стылые серые стёкла
Мне сжали пространство в комок.
Спрятав меня от ненастья,
Угрозу, приняв на себя,
Терпят моё безучастье,
Слезами о лете скорбя.
Я, получив передышку,
Привыкну к холодным ветрам.
Жёлто-осеннюю книжку
Люблю пролистать по утрам.
Видеть все чудо картинки,
В россыпи матовых слив,
Ловко ловить паутинки,
И ими заштопать разрыв
В мыслях о снеге и цвете,
Морозном и пламенном дне.
В этом холодном куплете
Местечко оставить весне.

***

Полутень заманчиво прохладна,
Избегает солнечных лучей.
Мы ныряем спешно и отрадно
В полутень спасительных речей.
Полуправда чудно безразмерна,
Перестроит, сделав умный вид,
Чернота засветится манерно,
Белизна сереет от обид.
Полупомощь - вроде бы поддержка,
Полудружба - это не вражда,
Полусмелость выступает дерзко,
Испарилась, испугавшись? Да!

Полудруг не станет другом точно,
Полувраг - совсем не полудруг,
Полуверу заменили срочно
С кумача на все цвета вокруг.
Как удобны эти полумеры:
И наказан и оправдан враз.
Застывают странные химеры,
В полуужас, погружая нас.

***

Осень задержалась у окошка,
В стёклах затуманив синеву.
Серую засохшую серёжку
Сбросила у тополя в траву.
Как хозяйка перемыла стёкла
Дождик капель сыпался с руки.
И сама старательно промокла,
Смыла тайну и с моей строки.
В жёлтую припрятанную краску
Бросила дождинок и лучей,
У берёзы белую подвязку
Ветром развязала. Это чей,
Золотистый чистый отголосок
Звоном плавит журавлиный крик?
Прямо в сердце, утончён и бросок,
Бубенцом серебряным проник.
Да ведь это лёгкие синички
Жёлтым звоном наполняют сад.
Кошка отказалась от привычки
Щурить безразлично хитрый взгляд.
В нём лисою полыхает осень,
Жадным жаром схвачена листва,
Тает лес янтарным воском. Очень
Кошка в своей хитрости права.

ПИСЬМО СЫНА К ДАЛЁКОМУ ОТЦУ

Поговори со мной, отец,
Слова срываются с бумаги.
Я слышу перестук сердец,
Да, наших двух, как будто в шаге
Ты от меня, сидишь, молчишь,
И взгляд твой закрывает шляпа.
Застыла ледяная тишь,
А я кричу беззвучно: папа!

Мне б заглянуть в твои глаза,
Почувствовать твоё дыханье,
Тебе б я столько рассказал,
О всех мальчишеских желаньях.
Прижался б к твоему плечу,
А ты б узнал, как я скучаю.
Я одиночеством плачу
За всю вину, а чью, не знаю!
Ты приезжай, в Дону сейчас
Такая клёвая рыбалка,
Какие судаки у нас,
Лещи, сомы, - лови, не жалко!
И сломанный велосипед
С тобой починим, и крылечко.
А Ванька-друг, он мой сосед,
Возьмёт на катер нас, на речку.
Прошу тебя, не забывай,
Что в Калаче живёт мальчишка,
А может, всё же приезжай
И назови меня сынишкой.
Ты далеко, но ты ведь есть
И тоже видишь это небо,
Вот если б рядышком присесть,
Ты только будь, каким бы ни был!
Ты мой отец, а я твой сын
Нас разделяет расстоянье
И тысячи других причин.
Мне остаётся ожиданье.

***

Осень протянула мне ладонь
С жёлтыми кленовыми листами.
Тихий замирающий огонь
Под ноги стекает. А местами
Звёзды неуёмных хризантем
Берегут сказания о лете,
Холодом нетронутый тотем,
Божеством спасённый на рассвете,
Когда дышит ледяная стынь,
Прошивая иглами мороза,
Цвет лиловый удивляет синь
Силой запоздалого вопроса.
Для чего приходят холода
Горько дышат белою полынью?

В чистых хрупких звёздочках беда
Прямо в сердце забивает клинья.
Безответно полыхал вопрос
Над прикрытой инеем землёю.
Тихий шорох ветерок принёс
«Может быть, увидимся весною…»

***

Дрожит в ладони капелька росы,
Как шар Земной, отважно голубая.
Я не дышу и пальцы не сгибаю,
И в ожиданьи замерли весы.
Как хрупок этот терпеливый миг,
Как уязвимо это равновесье:
В ладонях жизнь, в моих ладонях песня,
Весь ШАР ЗЕМНОЙ и этот бренный стих.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Дымка - не новинка,
В жаркий день награда.
Малая травинка,
Мне большой не надо.
Мне не надо много
Ярких слов блестящих,
Встретишь у порога
Только настоящим.
От него по сердцу
Пробежит истома,
Приоткроет дверцу -
Убегу из дома.
Полумесяц грустно
Высветит улыбку,
Говоришь искусно,
Как найти ошибку?
Лучше без ошибки,
Верю, застываю,
Твои руки гибки,
Сами всё узнают…
Дымка растворилась,
Звёздами испита…
Что же получилось?
Бабка у корыта…

***

Здесь янтарному дню не до смеха,
Здесь неверие, словно гранит,
Лишь одно стоголосое эхо,
Прорываясь сквозь время, звенит

Голосами весеннего леса
И мелодией странных разлук.
Уязвим, как пята Ахиллеса,
Напряжён, как нацеленный лук.

Полуправда твоя с полуложью,
Полужизнь твоя, иль полубред,
К своему возлагаешь подножью
Эпитафии мнимых побед.

В этот мир никого не пускаю,
Лишь сама иногда загляну,
Но уже никогда не ласкаю
Голубую твою седину.

Много лет - и она появилась
В твоих тёмных капризных кудрях…
В жизни я на минуту ошиблась,
Ты в ней был и остался в дверях…

***

Наплывы янтарные камеди,
Из солнечных бликов слюда…
Как вычеркнуть слово из памяти,
Застывшее глыбою льда?

Холодное, твёрдое, вечное,
А в нём умирал целый мир.
Мой взгляд постигал бесконечное,
Но взглядом не сдвинуть Памир.

Обида рекой леденелою
Затянет в свой тягостный плен.
Ну что ж я такая несмелая,
Немедля подняться с колен!

Разбить! И усеять осколками
Дорогу, какой ты идёшь

Пусть колют слова, как иголками,
По капелькам выдавят ложь.

***

Закончен день, а спелая Луна
Опять своё справляет полнолунье.
Прозрачен луч - натянута струна.
Стоит, как обнажённая плясунья,

Берёза. В чудном свете замерла,
Держа в ветвях блестящий лунный бубен.
Стекает свет, как белая смола,
А смертному тот танец недоступен.

Полупоклон, изящный пируэт,
В ветвях танцуют тайные узоры.
И только очарованный поэт
Вплетает стих в завесу лунной шторы.

А таинство пульсирует, живёт,
Земную песню, унося верхами…
И тот, кто смотрит, может быть, поймёт
Зачем поэты говорят стихами.

***

Не докричаться, не увлечь,
Касаясь старых ран,
Мне невозможно уберечь
Давно услышанную речь
В молчании полян.
Приникнуть снова к родникам
Давно иссякших струй,
Поймать твой взгляд издалека,
Им упиваться, а пока
Воскликнуть: «Аллилуй!».
Но бьют прицельно, как картечь,
Из прошлого слова,
Не хватит силы уберечь
Тугую непокорность плеч
И на тебя права.

РИСУНОК

Веточка душистого горошка
За стеклом цветёт в карандаше.
Солнечные блики из окошка
Серебром застыли на меже
Между чёрствым, непринявшим миром
И ожившим венчиком цветов,
Та граница ледяным пунктиром
Растворится, если ты готов
Каждой клеткой чувствовать биенье
Пульса, рисовавшей их руки,
Светом мысли оттенить теченье
Соков в хрупких стеблях. Береги
Эти вдохновенные минуты:
Радугой засветятся цветы,
Стебли дышат, стебли изогнуты
Светом невесомой красоты.
Струйками живого аромата
Будешь ты окутан и спасён.
И душа, нетленна, верит свято:
Ты над безразличьем вознесён.

***

За окном неслышными шагами
Ранний вечер бродит осторожно,
Постараюсь вымолить стихами
Для себя не всё, а что возможно.

Мне теперь не по карману жадность
Юных лет, как будто не далёких,
Где совсем не думала про важность
Всех минут, неповтореньем строгих.

И смакую каждую минуту,
Поднимаю взглядом все травинки,
Пониманьем наполняться буду,
Как я далека от серединки.

Но отброшу траурные флаги,
Или перекрашу их в лиловый.
Я иду, и в каждом новом шаге
Хоть себе б не мниться бестолковой.

***

В медленном, медленном вальсе
Листьев, когда-то живых
Кружится осень, как в трансе,
В танце цветов огневых.

Я, постояв у окошка,
Выключу розовый свет,
Видится светлая стёжка,
Мною непрожитых, лет

Только мгновенье. Приснилось?
Лист закрутился шальной.
Лето опять не сдружилось
С жёлтой порой кружевной.

Душу настойчиво тронет
Жарким огнём хризантем,
И неуверенно тонет,
И не уводит от тем

Всё подавляющей грусти,
Хрупкости каждого дня.
В тысячедавней капусте
Жизнь отыскала меня.

В сине-зелёном апреле
Мой начинался отсчёт…
Что же, тогда, в самом деле
Осень в свой праздник влечёт?

***

Раздражённо-суетливо
Ветер роется в листве.
В ветвях белого налива,
Гладит руку в рукаве.
Вот вослед мне обернулась-
(Равнодушие в глазах),
Мной же прожитая юность
С незабудкой в волосах.
Острым отблеском окошка
Зрелость тронула зрачок,
А из лучиков ладошка
Гладит мой воротничок.

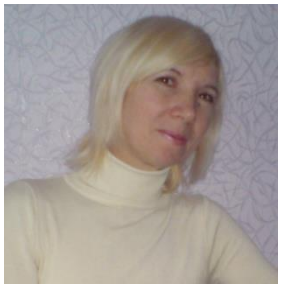
Неспокойно, нарочито
Перья сушит воробей.
И калитка приоткрыта
Ждёт степенных голубей.
И как в детстве удивляюсь
Мне открытой новизне,
Продолжение стараюсь
В ней найти тебе и мне

СОН

Я плакать перестала,
Чтоб не сойти с ума.
И что-то причитала
Ржавеющая тьма.
Коснулась звуком первым
Холодного стекла,
Вторым, тоскливо-нервным,
Мне под ноги стекла.
Степенно прояснились
Колючие кусты,
И тени отступились,
Как страшно, с ними - ты.
Останься в новом утре,
Не исполняй зарок.
Трава в росистой пудре,
Тебя мой ждёт порог.
Как мне видна дорожка
Следов: к шажку шажок!
Горит огонь в окошке –
Не ты его зажёг,
Не ты его погасишь.
Сковала сердце стынь.
Пусть будет так, как скажешь.
Пусть будет так. Аминь!

ВИРИИТИНА ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА

Содержание

ПОЛОВИНЫ

Цените, любите, когда ещё живы,
Когда что – то можно менять…
Когда Вы ещё крепких две половины.
Когда ещё есть, что, терять…

Болезненно: если вдруг, отделилась
Одна половина от той,
С которой всё общее, целое было,
Теперь: всё досталось одной.
И кажется много веселья двойного
И слёз слишком много вдвойне…
А всё потому, что нет рядом родного,
Который был дан по судьбе…
Цените, любите, когда ещё живы,
Когда что – то можно менять.
Не зря существуют в судьбе половины:
Как жаль, что их нужно терять.

ВОЗДАЯНЬЕ

От беспомощности люди кричат.
От бессилия ищут виновных.
Кто же всё – таки виноват
Что бывает так трудно и больно?
На вопрос этот, есть ответ.
Существует Закон воздаянья:
То, что в мыслях другому пошлёшь –
Не останется без вниманья.
Потому, посылайте добро,
Посылайте любовь и надежду.
На добро - Вам ответят добром,
А любви – станет больше, чем прежде.
Если в мыслях задумали зло –
Непременно, оно, к Вам вернётся:
Ведь за всё, что мы сами творим,
Обязательно воздаётся.

КРЕПЧАЮ

Как люблю я морозы!
Вместе с ними крепчаю.
Лишь от холода слёзы
После крепкого чая.
И румянец по-детски
На щеках розовеет,
Тёплый плед на кровати
После чая согреет.
И свернувшись, клубочком:
Так, как в детстве когда – то,
Я вздремну с полчасочка,
Чтоб потом, вновь куда – то…

РОЖДЕСТВО

Рождественская ёлка.
Так сладко пахнет ладан!
В подсвечнике две свечки -
Поставлю с ёлкой рядом.
В углу стоит иконка,
Над ней висит лампадка.
А на столе – индейка.
Всё, кажется, в порядке.
Ночь, словно ворожейка
В окошко заглянула
И месяц через ветки
Мне к дому подтолкнула.
Смотрю в окошко – темень.
На улице – ни зги.
И тикает в височках:
«Ещё немного – жди…»
И вдруг, средь ночи тёмной
Разверзлись Небеса
И засияла снова
Иисусова звезда!

НА РЕЧКЕ

Малиновое утро
Над белыми домами.
Лощины снова в белом.
И саван над полями.
На речке серебрится
Застывшая вода.
Уж, очень долгожданная
К нам, вновь, пришла зима.
Торопятся на речку
Пораньше рыбаки.
Наверное, их тоже
Заждались судаки?
И на снегу полозья
От саней рыбаков.
Сегодня их хороший,
Должно быть, ждёт улов?
Резвятся дети рядом,
Барахтаясь в снегу.
Рыбак суровым взглядом,

Понять дал: «Я дойду…»
Но нипочём ребятам
Суровый деда взгляд.
Зима пришла к нам снова
И каждый зиме рад!
И вот, уже, с уловом
Идёт рыбак назад.
И, тишина на речке.
И нет уже ребят.

ВЕЧЕР

Раскидал по небу
Косточки граната
Уходящий день
Вновь, перед закатом.
Розовые скаты
Небо отражают,
Где – то, вдалеке
Дворовые лают.
Холодно. Морозно.
Треск повсюду слышен.
Месяц, как хозяин
Прогуляться вышел.
Звёзды понавесил
Чуть повыше крыши.
Можно дотянуться,
Если встать повыше.

ОСУЖДЕНИЕ

Прикусила язык –
И молчу.
Осуждать никого
Не хочу.
Осуждение – это зло.
Не возвысит оно
Никого.
Не доводит оно
До добра.
Убедилась я в этом
Сама.
Только, что же такое?
Опять,
Что – то тянет меня
Осуждать.

Прикушу я язык.
Промолчу.
Брать на душу я грех
Не хочу.
Вместо сплетен
Пойду, помолюсь.
Ведь, молясь, я другой
Становлюсь.

ДИАЛОГ С ЛУНОЙ

Луна, в окно, сквозь ночь смотрела.
Душа томилась и болела.
И, я, как будто говорила
С луной и, кажется, молила
Помочь снять груз с души скорей,
Чтоб не было потом больней.
Луна, как – будто понимала
И от себя отодвигала.
- Негоже, так, среди ночи
Молить о помощи души.
Ты лучше в Храм
Средь дня сходи,
Постой у пламени свечи.
Оно растопит лёд и боль.
Ну, а меня, позволь, уволь.
Наверное, луна, права:
Мне в Храм сходить пришла пора.

НАД АНАЛОЕМ

Лики святых и тихое пенье…
Возле мощей непрестанное бденье.
Над аналоем с иконой, склоняясь,
И прикоснувшись к мощам, поднялась
Душа. И, открылась Небес бесконечность…
Жизнь земная измерила вечность…
Нет больше суетных мыслей ненужных.
Как же немного нам, в сущности, нужно?

СОН

На небе из звёзд паутинка
Опутала город ночной.
Знакомой бегу я тропинкой,
Счастливая: снова домой.
А в воздухе – запах фиалки
И хочется глубже вдыхать.

«А мама, наверное, за прялкой?»
И в сердце кольнуло опять.
И вот, я уже у калитки
И мыслю: войти – не войти?
Но чувствую: воском налиты
И руки, и тело, ступни…
Шаг сделала: вижу – на месте,
Другой – у калитки стою.
Хочу я понять, что со мною,
Вот только никак не пойму.
Я взгляд свой направила дальше:
И вижу – родной огород.
Но чувствую ноточку фальши:
Родной, но какой – то не тот.
Он весь не ухожен – в бурьяне.
Таким никогда не был он.
«Наверное, некогда маме?»
Щипаю себя. Это сон…

ПЕРЕХОД

Лужи снова подёрнуты коркой
Очень хрупкого, тонкого льда.
Осторожно ступаю по кромке:
Всё равно проступает вода.
Потемнели сугробы – просели,
Ледяные надев кружева.
Появились глубокие щели;
Будто в прятки играют снега,
На деревьях слезинки застыли:
Я на них задержала свой взор.
- Неужели печальными были
Расставанья с зимою? – Узор,
За ночь сотканный, я осторожно
Рушу дальше, ступая вперёд.
Подо мной, как живой, (Невозможно!)
Провалившись, ругается лёд.
Говорят, что грачи уже были.
(Будто видели их здесь, вчера).
Вскрылись рыжие пятна в лощинах
И теперь, все в веснушках, поля.
На снегу; возле рощ, будто семечки
Разбросал кто, галдит вороньё.
На верхушках деревьев, как «темечки»,
Появилось птиц, чьих – то, жильё.
Пахнет свежестью утренней, ранней.

Чист и светел опять неба свод.
Межсезонья стирают грани:
У природы – в весну переход.

ГАВРИЛЕНКО ЕКАТЕРИНА

Содержание

Я смотрю из окна и впереди вижу море. Оно голубое и прозрачное. Море лижет песчаный берег и звенящий песок бежит вслед за волнами. Так они играют весь день и никогда не устают друг от друга. Они, вообще, дружные ребята: море, песок, солнце, ветер и даже дождь. Солнце ласково согревает море, ветер закручивает на нем симпатичных, смешных барашков, а дождинки приятно щекочут ему спинку.

Однажды к морю пришел маленький мальчик. Он был еще крошечный, такой крошечный, что море даже удивилось, что он здесь делает совсем один. А мальчик смело подошел к морю, потрогал его своей маленькой ножкой и топнул несколько раз по воде. Соленые капельки со всех сторон облепили малыша, и, довольный он начал смеяться и топать ещё и ещё.

- Как здорово они играют, – подумал ветер. Он налетел легким бризом и взъерошил волосы малыша. Крохотные ножки человечка попеременно погружались в прибрежный песок, и звонкие, хрустящие песчинки бегали по ним вверх и вниз, вверх и вниз. Солнышко по-матерински ласково наблюдало за проказами маленького непоседы и нежно трепало сорванца за щечку. И только дождик грустил, что не может принять участие в игре. На небе в это время не оказалось ни одной тучки.

Тем временем, малыш увлекся деловитым крабом, выбравшимся на берег в поисках какой-нибудь истории или приключения. Этот краб был путешественником и собирателем занятных происшествий. Целыми днями он слонялся по берегу в поисках достойного собеседника. Но таковой не всегда находился поблизости, и тогда краб-отшельник отправлялся странствовать. Он мог отсутствовать несколько дней, но никогда не возвращался назад без интересной истории из жизни прибрежных обитателей или рассказа о собственных, захватывающих дух приключениях.

Малыш склонился над крабом и с увлечением принялся его разглядывать. Круглое тельце краба, вызывало умиление в юной, трепетной душе ребенка, а торчащие из - под панциря ноги и клешни, - немой восторг и восхищение. При всей внешней несуразности двигался краб с поразительной ловкостью и проворством. Сидя на корточках, малыш увлеченно сопел, наблюдая за попытками краба, одолеть песчаный пригорок. Песок то и дело осыпался из – под крохотных клешней, грозя вернуть альпиниста к основанию его восхождения. Но, как видно, это был действительно опытный краб! Второй раз за утро смех малыша прозвенел в утреннем мире. Краб взял высоту! Преодолев песчаный пригорок, отважный маленький скиталец продолжил свой путь.

А солнце тем временем стало ярче припекать, а ветерок сильнее задул с моря, так что на нем заиграли веселые белые барашки. Песок пустился в пляс и стал выкидывать

коленца. И даже дождик перестал грустить, потому что вдалеке на небе показалась серая кучерявая тучка.

Но крохотный человечек на берегу не хотел расставаться со своими новыми друзьями. Он смело ловил барашки, на самой кромке воды, а то и по колено, забегая в пенистый каскад.

Кто знает, как долго продолжалась бы эта игра, но тут на берегу появилась большая собака. Увидев малыша, она позвала его заливистым лаем, и он обрадовано побежал к ней.

- До свидания, мои милые друзья! Я ещё вернусь к вам! А теперь мне пора.

Мальчик и собака скрылись за дюнами. Море ласково прошелестело волной на прощанье, песок запел, дождик выбил барабанную дробь, а солнышко улыбнулось, блеснуло последним лучом и скрылось в набежавшей тучке.

Я смотрю из окна и вижу море. Я вижу его каждый день. Мы с ним большие друзья.

ГОРБАТОВА ПРАСКОВЬЯ КУЗЬМИНИЧНА

Содержание

***

Сходить с ума, от чувств, душой страдая,
Не получив ответа на любовь,
Не стоит, голова твоя седая,
Не надо портить молодую кровь.

Она ведь тебе в дочери годится,
Ты возомнил, что ты еще орел.
Твои года умчались, словно птица,
Ты больше потерял, чем приобрел.

Не погружайся в жизнь печальной прозы,
Где, как на свалке кружит воронье.
Не трогай лепестки цветущей розы,
Поранишь руки о шипы ее.

***

Листая жизни прожитой страницы,
Как ворох листьев в желтый листопад,
Я знаю – ничего не повторится,
Как этот догорающий закат.

А может быть, душа живет извечно
И, где-нибудь в краю цветных лугов,
Я буду жить на улице Заречной
И снова встречу первую любовь.
Мой друг, с которым не сложилась песня,

Когда-то скрылся в дальнем-далеке,
Опустится с седого поднебесья,
Сотрет мои слезинки на щеке.
И зацветут сады цветной вуалью,
И сон стряхнет земная красота,
И кто-то мне накроет плечи шалью
И скажет: «Это я, твоя мечта».

Листая жизни прожитой страницы,
Довольна всем. Вкусила жизни суть.
Мне только бы теперь не оступиться,
Последнюю ступень перешагнуть.

***

Я вспоминаю свое детство
И вы бывали там не раз,
Где можно солнышком согреться,
Где мамочка ласкала нас.

Где под открытым небом
Все звезды вроссыпь, как цветы.
Где ширь полей с созревшим хлебом
И месяц смотрит с высоты.

Где вишни соком налитые,
Дыней созревших желтизна
И это все моя Россия,
Моя великая страна.

Там мое детство в том отрезке,
В заливах, капельках росы,
Где на окошках занавески
И две распущенных косы…

Там у костра мне не согреться
Кружит над садом воронье.
По узкой тропке бродит детство
Неповторимое мое.

***

А на улице дождь. Понимаешь,
у неба истерика,
Что палящее солнце изжарило
землю дотла.
Чья-то лодка, гонимая ветром,

к чужому причалила берегу,
И шальная волна уносила
обломки весла.
И вздыхала земля, напоенная
влагой живительной,
И реснички закрыли цветы,
и часы прекратили свой бег.
Наша жизнь на прекрасной
земле – это миг удивительный
И за все это, небо, мы
благодарны тебе.

Не придумали меры, чем любовь
была б в сердце измерена,
Но сказать, что в нее надо верить –
я точно могу.
Вот и эта любовь уж, казалось,
навеки потеряна,
Но, гонимая ветром, нашлась
на чужом берегу.

А на улице дождь. Понимаешь,
у неба истерика.
Из серебряной тучи на землю
сливалась вода.
Чья-то лодка, гонимая ветром,
к чужому причалила берегу
И, найдя свое счастье, осталась на нем навсегда.

ПЛАЧЕТ ОСЕНЬ ЗА ОКНОМ

Плачет осень за окном, плачет,
Слезы счастья по стеклу льются,
Бабье лето в золотом платье
Собирает виноград в блюдце.

Чье-то счастье по тропе лунной
Забрело в густую тень леса,
Оборвались у гитары струны
И осталась недопетой песня.

Сколько осеней осталось в прошлом,
Сколько встретим их – еще не знаем,
В длинных платьях с паутинной прошвой
И в косынках с золоченым краем.

Плачет осень за окном, плачет,
А над озером туман синий,
Заглянула она в край казачий,
Где Григорий полюбил Аксинью.

***

Все в росе осенним утром ранним,
Дон окутан дымкой голубой,
Девять роз и девять пожеланий,
Девять лет не виделись с тобой.

Я перед тобой за все в ответе –
За не отгоревшую любовь...
Девять лет и девять роз в букете
Нас с тобой соединили вновь.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ

- Игнатий, скоро ты отлипнешь от этого телевизора? Последние очки попортишь, какой уж там такой интерес на дураков пялиться, как они мячик гоняют. Нет бы про погоду рассказали, да, урожай какой будет. Готовить картошку к наращиванию или рассаду тыкать, а то опять луна с солнцем поругаются, начнут на нас камни кидать с неба, спаси Бог. Игнатий! Ты оглох что ли?

- Да замолчи ты, из-за тебя опять проиграли три ноль.

- В чью же пользу?

- Откуда я знаю!

- Ладно, гляди, я тебе принесу картошку, почисть, да кончай с футболом, я пока тесто замешу, и буду глядеть «Здорово живешь».

Тесто готово. Бабка переключила телик на первый канал, Елена Малышева в расклешенной юбке вышла на экран. Дед плюнул и ушел курить.

Вот и щи готовы и пирожки зарумянились, за обе щеки поскакали. Чай с мятой забулькал.

- Елена сказала, чтоб за день по два литра воды выпивали, - заваривая чай, проговорила бабка.

- И в очереди у туалета сидели, - отозвался дед.

- Говорит она дело, вот, к примеру, если ты не будешь мне нервы дергать, так я дольше проживу,- возразила бабка.

- А я?- обернулся к ней дед.

- И ты тоже. Вот давай на деле попробуем. Ложись на кровать.

Дед лег на кровать, молча, в надежде уснуть и не слышать скрипучий старухин голос, да не тут-то было. Старуха порылась в узелках, нашла два клубка красный и синий. Красную нитку привязала одним концом к дедовой ноге, другим к ручке шкафа. Один конец синей нитки привязала к ножке стола, другой к своей руке и легла на кровать рядом.

- Игнатий, вот эти нитки наши нервы, если жить мирно, не гавкаться, то они не будут натягиваться и рваться. Вот мы лежим с тобой и разговариваем обо всем

хорошем, будто у нас и уголь есть, и дрова, и душОвая кабинка, и туалет в хате, и пенсия сто тысяч.

- Ты чо, сдурела? - дед хотел повернуться к бабке, но нитка натянулась.

- Не дергай нервы, я ж говорю, что это, как будто вправду. Лежи и радуйся. Давай вспомним, как мы молодые были, как ты меня упрашивал замуж выйти за тебя!

- Я упрашивал? - дед дернулся, нитка оборвалась, и дверка шкафа слетела с петли.

- Говорила ж, не дергайся, теперь исправляй аварию.

- Я тебе что Шойгу? Носится, как чокнутая с этой Еленой Малышевой, вон нога почернела от твоей нитки, растирай спиртом.

- Я тебе, что доктор Айболит? - забыв за синюю нитку, бабка вскочила с кровати, нитка видимо была капроновая, не оборвалась, только стол закачался и чашка с пирожками упала на пол.

- Так тебе и надо. Ты б лучше не к ноге, а к языку нитку привязала,- растирая отекшую ногу, дед схватил сигареты.

АРБУЗ

Седой и Антоныч работали на одном заводе, жили в одном квартале и дачный домик построили один на двоих, только у одного был вход с севера, а у второго с юга. На даче они были всегда одни, без жен и детей, управлялись не хуже других и за многие годы освоили агротехнику. У Антоныча жена болела длительной болезнью, а жена Седого была здорова, но не любила копаться в земле и никогда ни приникогда не ступила ее нога на ухоженный мужем участок, хотя привезенные фрукты и овощи ценила лучше магазинных. Если кто спрашивал, почему жена не приезжает на дачу, он отвечал, что от ее духа весь огород погибнет.

Сегодня они засветло возвращались с урожаем с дачи. Седой успел на пристани у парохода продать все яблоки, несмотря на то, что яблок было много на прилавках и розовых и желтых, а его с червивыми боками расхватали вмиг иностранные туристы, один из них открыл секрет, позвав другого:

- Иди сюда, вот эти купим, их черви кушают и нам можно.

На вырученные деньги Седой купил арбуз, они только появились. Арбуз выбрал полосатый, самый большой, с трудом запихнул в сетку, перекинув сумку через плечо, он вышел из автобуса на остановке «Стройрайон».

Перед его автобусом стоял автобус, прибывший из Волгограда. Седой махнул на прощанье рукой Антонычу и собирался перейти на другую сторону, но к нему подошел пассажир, прибывший из Волгограда. Ломаным не чисто русским языком он спросил, как доехать до Авторемзавода. Он обратился именно к Седому потому, что поверил, что седой человек лучше поймет и подскажет. Конечно же, он не знал, что этот седой человек, обладающий юмором и находчивостью, может на ходу придумать такое, что другому и в голову не придет.

- Сейчас подойдет автобус № 2, в него садитесь и езжайте до конца, там пересядете на электричку и доедете до остановки «Авторемзавод».

Приезжий поблагодарил, сел в подошедший автобус, а Седой пошагал домой. Солнышко скатывалось к закату, жара спала и прохлада радовала душу. Навстречу шел инженер с их завода под руку с женой Альбиной.

- Ах, батюшки, где ж такой арбуз красивый купили?- спросила Альбина, сложив на груди свои нежные ухоженные ручки.

- На даче вырастил, - не моргнув, ответил Седой.

- Вы сам такие арбузы выращиваете на даче? Как же вы их умудряетесь вырастить?

- Очень просто. Наращиваю семена, сажаю в лунку и поливаю сладкой водой, а как зацветут, и появится завязь, я этот махонький арбузик сажаю в сетку и вешаю на деревья, у меня все деревья в арбузах. Я могу вам подарить.

Седой протянул сетку с арбузом и налегке отправился домой, а Альбина от радости ему вслед произносила слова благодарности.

Пассажир тем временем доехал на автобусе до моста, где была последняя остановка, вышел и увидел с одной стороны мелкие кустики в траве по обе стороны дороги и недалеко старуху, которая пасла коз. По трассе двигалось много транспорта, но никаких электричек не было и в помине. Пассажир подошел к старухе и ломаным языком спросил, где ездят электрички.

- Чаво ты спросил?

- Электрички, такой длинный автобус, он бистро бегает.

Старуха замахала руками, показывая на подъехавшую с дач двойку:

- Бяги скорей садись, там спросишь.

Пассажир вышел на той же остановке «Стройрайон», откуда уехал полчаса назад, и пообещал кондуктору:

- Встречу седого, зарэжу.

Но седого он не встретил. До авторемзавода дошел, когда рабочий день закончился и на проходной его не пропустили. Он еще два раза себе поклялся, что зарэжет седого.

ВАСЬКИН

Седой, Антоныч и Васькин работали групповыми механиками. Утром, по пути на работу, они часто встречались на тропинке у бендежки, здоровались по - мужски, подавая руку и дальше, пересекая железную дорогу, через техучасток шли на завод. Работу свою они знали, как пять пальцев, поговорить было о чем.

Вчера состоялось партсобрание, на котором Васькина избрали секретарем их парторганизации. Вроде мужик, как мужик, иногда, правда, проскочит какая-то ухмылка, но значения не придавали, а тут утром, как обычно встретились утром на тропинке к заводу, Седой протягивает руку для приветствия, Васькин с поднятой головой и кожаным портфелем в руке гордо проходит мимо. Седой аж остолбенел, приостановился, посмотрел на Антоныча, подумал, подмигнул лукаво, мол, подожди, друг Васькин, и двинулся дальше. Васькин вырвался вперед и гордо вышагивал, вырабатывая новую походку.

- Антоныч, где же он за ночь успел портфель раздобыть? Не мог же он его сшить, вон какой министерский прямо, интересно что он в него положил? Ну, мы проверим, за нами моряками не заржавеет.

На планерке Седой умостился позади Васькина и внимательно слушал выступающих, а перед окончанием планерки первым вышел из кабинета. Васькин подошел к столу, торжественно водрузил портфель на стол, открыл два замка, чтобы положить очки, опустил руку и тут же с противным дребезжащим визгом отдернул руку, портфель упал на пол, очки покатились под стол, а из портфеля, выпучив глаза,

выпрыгнула большая зеленая лягушка. На мгновение повисла в воздухе тишина, а следом раздался дружный раскатистый многоголосый мужской смех. Седой заглянул в кабинет и с удивлением спросил, что произошло. Антоныч, вытирая слезы от смеха, толкнул Седого в бок, тихо спросил:

- Где ты ее поймал такую царевну?

ЧЕСНОК

Седому и Антонычу довелось побывать в станице Сиротинской. Выйдя на берег, они направились на рынок купить в дорогу продуктов. Шли между рядов, рязглядывая сколько всего, там творожка жменьку прихватил для пробы Антоныч, там семечек в горсть набрал Седой и, вдруг, взгляд его остановился на двух кучках чеснока.

- Почем чеснок? – ткнул пальцем Седой в одну кучку.

- Десять рублей, – ответила старушка.

- А этот? – показал пальцем Седой на другую кучку.

- Пятнадцать, - не моргнув, ответила старушка.

- Они же одинаковые, почему же та десять, а эта пятнадцать? – не унимался Седой.

- А потому, милок, пятнадцать, что он вонючей.

Седой посмеялся, но купил тот, что вонючей.

- Посажу, выращу и дыхну Васькину в секретарьскую физу, - сказал, обращаясь к Антонычу.

Осенью они разделили головки пополам и высадили. Вчера они выкопали чеснок. Получили хороший урожай. Они любовно обмыли головки с сиреневым оттенком и повесили сушить, так им посоветовала старушка.

- Выжарится на солнце, до самого лета не испортится.

А сегодня они проснулись пораньше, накопали червей и отправились на рыбалку. Над водохранилищем лежал густой утренний туман, воздух чистый, тишина, дачные домики утопали в садах, где-то виднелись крыши, а то и вовсе в зелени спрятались, тогда еще не строили в два этажа. Сегодня они рыбалили вдвоем и быстро наполнили ведерко рыбой.

- Эх, и ушица получится! - потирал руки Седой. С укропчиком, тузлук сделаем с вонючим чесночком!

Возвращались они в хорошем настроении, день начался удачно.

- Давай зайдем к Юрию, пригласим на уху, а он пузырек принесет, - предложил Антоныч.

За поворотом Седой остановился, постоял, тихо окликнул Антоныча и показал в сторону чьей-то дачи.

В баке для воды металась какая-то лохматая животина, было видно только рыжие космы, то они исчезали, то снова поднимались выше стенки бака.

- Что это?

- На собаку не похоже, может какая Бесквирлей?

Седой подобрал у забора штакетину и крадучись, пригибая ноги в коленях, стал потихоньку двигаться в сторону бака. Антоныч нашел полкирпича и двинулся следом. До бака оставалось шагов пять. Седой поднял штакетину, приготовился ударить зверину, если она набросится, и хриплым голосом гаркнул. Из бака с кисточкой в руках

поднялась женщина, увидела в страшных позах двух здоровых мужиков, она закричала во все горло от испуга.

- Замолчи, дура,- зашипел Седой и бросил штакетину.

- Прежде чем красить, платок надо на башку дурью надеть, а не трясти патлами, людей не пугать.

- Седой, это ты что ли! - опомнилась от страха Наталья и залилась смехом.

- Завтра всему заводу расскажу, как ты с палкой на зверя охотился.

- Знаю, что у тебя язык хуже метлы. На вот тебе рыбы на жареху.

Антоныч выложил на лавку трепыхающиеся три рыбины.

Седой не любил, когда над ним подсмеивались, а сам утерпеть не мог, чтобы кого-то не подколоть. На конце улицы встретился Петро, сосед Натальи по даче. Поздоровались, покурили.

- Слушай, Петро, что за зверя завела Наталья?

- Не видел, - отозвался Петро.

- А ты посмотри, в баке львиная грива мечется туда-сюда.

Петро подошел к Натальиной даче и действительно увидал, что в баке кто-то есть. Он взял лопату и стал потихоньку двигаться к баку. Грива то стояла на месте, то потихоньку передвигалась. Шаг за шагом он приближался к баку, туго сжимал лопату руками. В это время Наталья окончила красить, вытерла тряпкой руки и поднялась, чтобы вылезти, но не успела перекинуть ногу, как увидела застывшего с лопатой в руках Петра. Теперь она не испугалась, теперь она хохотала на всю дачную округу.

- Петя, ты чо, убивать меня пришел или помочь красить? Так я только внутри покрасила, а снаружи еще нет.

Петя повалился на траву и катался от смеха.

- Ладно, Наталья, уж ты не рассказывай за меня, а то засмеют, давай я тебе бак докрашу.

- А я перекусить приготовлю, - откликнулась Наталья.

Она быстро почистила рыбу, обваляла в смеси соли с душистым перцем, посыпала зеленью с мелко порезанным чесноком, залила яйцами. Пока рыба жарилась, наломала вишневых веточек, сорвала веточку мяты, залила их в чайнике водой из колонки и поставила кипятить.

- Запахи абалденные! – Петро вытер руки и присел к столу.

- А где ты рыбы так рано достала?- спросил он у Натальи.

- Седой с Антонычем угостили, у них сегодня был хороший улов.

- А где ты их встретила?

- Тут же, где и тебя, только они были со штакетиной и кирпичом, а ты с лопатой.

Петро чуть не подавился рыбой от смеха.

- Ну, Седой! Как он меня подловил! Ведь такую рожу правдивую состроит, что не поверил бы, да поверишь. Ну, гад, Седой! И в то же время хорошо! Ведь сколько живем по соседству, а ни разу вместе не сидели за столом, все нам некогда, то поливаем, то копаем, а они везде успевают. Ты видела, Наталья, какой у них чеснок? Закачаешься!

МАКАРЬЕВ

Кто на заводе не знал Макарьева, тот ничего не знал, темный человек считай. Этот человек был легендой. Страна потеряла многое, что не выучила его на актера. Его

уважали, ему подражали, а бухгалтера Семена Семеновича начинала колотить дрожь, как только Макарьев переступал порог его кабинета. Он сгребал все бумаги в кучу, прикрывал их руками и спрашивал, что Макарьеву от него надо. Макарьев с улыбкой клал перед ним на стол накладную или какую-либо бумагу, которую Семен Семенович подписывал, сам смотрел на Макарьева, чтобы он только не взял с его стола что-нибудь.

Сегодня Семен Семенович подписал накладную, в которой был выписан спирт в количестве одного литра, килограмм докторской колбасы и булка хлеба. С этой накладной Макарьев пришел на склад, где Мария Никитична, прочитав накладную, схватилась за сердце.

- Милый, да откуда я тебе все это возьму, у меня ж одни железки.

- А это не мое дело, видишь, сам Семен Семенович подписал, значит ему это надо. Спирт у тебя есть, а за остальным иди в магазин.

- А деньги где? - удивилась кладовщица, - а спирт во что я тебе налью, я его выдаю только на протирку?

- Думай, мать, быстрее, закрывай склад и бегом!

Через двадцать минут он был на палубе теплохода, а через десять минут он увидел бегущего по берегу к теплоходу Семена Семеновича.

- Не спеши, Семен Семенович, уже все выпили, следующий раз пригласим.

ЗАРПЛАТА

Как и все порядочные люди, Макарьев пошел получать зарплату, и был удивлен, что от окошечка кассы по всему коридору тянулась длинная очередь.

- Непорядок, - подумал он.

- Что, случилось, почему трудящийся народ в рабочее время простаивает в очереди? - спросил он у последнего.

- Говорят, в банке деньги не дают.

- Почто же? Сейчас мы этот вопрос решим, только, ребята, я получу первый.

- Хорошо! - заулыбалась очередь.

Макарьев недолго искал телефон в пустом кабинете, ведь многие хозяева кабинетов стояли в очереди, а отыскав, он снял трубку, набрал номер телефона управляющего банком и голосом прокурора города произнес:

- Почему заводу не даете деньги на зарплату? Вы что, хотите платить за простой судов? Через час проверю.

Положив трубку, Макарьев, никем не замеченный и не услышанный, вышел в коридор. По коридору бежал запыхавшийся Семен Семенович с чековой книжкой на подпись к директору.

- Механизм заработал, - тихонько промолвил он стоящим в очереди.

К самому порогу подъехала машина и Семен Семенович, застегивая на ходу плащ, плюхнулся на переднее сиденье, стирая пот с лица.

Через полчаса окошечко кассы открылось и Макарьева, как было обещано, пропустили первого получить честно заработанную зарплату.

МОСКОВСКАЯ КОМИССИЯ

Давненько Макарьев не заходил в кабинет к Семену Семеновичу или, как он называл его СС, сегодня, выкроив свободную минуту, решил заглянуть.

- Здравствуйте, Семен Семенович, - приветствовал с порога Макарьев.

СС подскочил на стуле и, вытянув руки, стал прикрывать все лежащие бумаги.

- Да не бойся, не нужны мне твои лохмотья, подпиши мне накладную и я пошел.

Макарьев протянул СС накладную, которую тот подписал, не глядя в содержание. Макарьев взял двумя пальцами бумажку, от стола не отходил.

- Иди, иди побыстрей, закрой дверь за собой, - торопил его СС, - прикрывая на столе бумаги.

- Когда ж я тебя научу, прежде чем подписывать, прочитать, что написано. На вот, читай, что ты подписал, - Макарьев поднес к его очкам накладную, в которой было написано: «отпустить Семена Семеновича штук одна».

- Вон из моего кабинета, чтобы больше не появлялся, - вскочил со стула СС, махая руками.

Макарьев послал ему воздушный поцелуй и вышел. До обеденного перерыва оставалось двадцать минут. Дверь в кабинет техотдела была открыта, и кабинет был пустой. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Макарьев набрал телефон СС и голосом начальника пароходства крикнул в трубку:

- Алло, с кем я говорю?

- Пастухов Семен Семенович, - все еще запыхавшимся от волнения голосом представился СС.

- А я с кем говорю, извольте, узнать?- встал со стула СС.

- Начальство по голосу надо знать! Директор в отпуске, так вы там пораспустились, никого не найдешь! Где главный инженер?

- Он отъехал,- дрожащим голосом произнес СС.

- Значит, вы выполняйте мое распоряжение. К нам приехала московская комиссия, завтра они будут у вас. Будьте добры, приготовьтесь к встрече – чтоб территория завода была вычищена и вылизана, чтобы была уха и прочее. К концу дня доложите. Макарьев положил трубку и вышел из пустого кабинета. Проходя мимо кабинета СС, он услышал, как СС срывающимся голосом кричал в трубку:

- Зарубина ко мне, срочно!

С теплохода Макарьев наблюдал, как территория завода заполнялась народом. С лопатами, метлами, ведрами, как муравьи, трудился народ. Подъезжал самосвал, в него кидали все нужное и ненужное, гребли, мели, кран опускал и поднимал какие-то грузы. Зарубин, как всегда, выряженный в форму с погонами, то и дело поднимал фуражку и смахивал пот, СС появлялся то в одном конце территории, то в другом, размахивал руками, подавал команды. Работа шла полным ходом и к половине пятого территория была убрана. СС довольный проделанной работой, зашел в кабинет, выпил стакан воды, сел на стул, расслабился и набрал номер начальника пароходства:

- Пастухов из Калачевского ССЗ. Докладываю, что территория убрана, тройная уха будет утром! К встрече комиссии готовы!

- Что за чушь, какая уха, какая комиссия! Как вы смеете мне звонить! Вы кто такой, вы чем там заняты? Это что за бардак!- трубку бросили и полились частые гудки.

СС с дрожащими ногами повалился на стул.

- Макарьев, это он звонил.

ГУРЕЕВ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

Содержание

ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ МИР

Мы перелетные птицы
С этого света на тот.
Е. Шварц.

Мы гости в этом мире странном.
Зачем приходим и уходим в никуда?
Ошибки делаем, стареем слишком рано.
Жить с чистого надеемся листа.

Стараемся успеть все охватить,
Свои мечты в реальность воплотить.
Кому-то это удается иногда.
Все канет в лету, как в песок вода.
Вот, если бы узнать все наперед:

Какой нас ожидает поворот?
Я на свиданье зря бы не спешил.
Не утратил столько бы душевных сил.
Учиться я бы не всегда ходил.

А лучше бы диплом себе купил.
Ведь наши знания порою не нужны,
Знакомства лишь хорошие важны.

Я б молодость свою не торопил,
Чтоб быть всегда в расцвете сил.
Я б поселился среди скал
И пенью птиц бы там внимал.

А лучше бы бессмертным стать,
Чтобы миры все повидать
И чудные дела Творца,
Которым знаем, нет конца.

Я встретил бы в мирах иных
Своих друзей, своих родных.
Душой бы отдохнул средь них,
Поведал о делах земных.

Потом спустился бы с небес
И от людей ушел бы в лес.
Им Бог ума немного дал –
С безумством явно перебрал.

Царем зверей стал человек.
Страшнее всех он изначально.
И вот с тех пор, из века в век
Он зверствует необычайно.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Чтобы жизнь повторилась сначала,
Загляните в семейный альбом…

Они уже изрядно пожелтели,
Над ними годы вихрем пролетели,
Оставив в памяти на снимках прошлых лет.
Из этих лиц в живых уж многих нет.

Вот моя мать, уже немолодая.
С ней Люба, внученька, теперь она большая.
Вот свадьба и жених, которого уж нет.
В Оксане, дочери его остался след.

На фото – брат, красив как Аполлон.
Пострижен наголо: служить собрался он.
С ним рядом самой юности сестра,
Но в прошлом молодость – уж старости пора.

Я – третий, младший среди них.
Фотографом запечатлен тот миг,
Где я и мой велосипед.
И мне уже порядком лет.

И снова брат, а с ним дружок-сосед.
Фуфайка, саночки, да, изысков тут нет.
Проста одежда тех годов,
Но статным был Володя Гаврилов.

Вот Таня – девочка, у ней была сестра.
Какие к нам их занесли ветра?
Они уехали, и фото Томы нет,
Но первой той любви в душе не меркнет свет.

Неумолимо время, настал уж новый век,
Но близок и знаком здесь каждый человек.
Из тех далеких лет на нас они глядят,
Хотя молчат, но снимки о многом говорят.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Кто любит нас,
Порой мы к тем жестоки.
К себе же не строги мы,
В поступках – недалеки.

Легко и просто я других бросал,
Свой телефон и адрес не давал,
Но вот расплаты и мой час настал.
Почем фунт лиха, я тогда узнал.

Я полюбил ее от всей души,
Слова и речи были больно хороши.

Быть с нею вместе я уже мечтал,
Что все на грани я не «догонял».

Вот все же этот день настал.
Я ей звонил, никто не отвечал.
Мой телефон надолго замолчал.
Что с ней случилось, я не понимал.

Вопросы ставил и на них же отвечал.
С отчаянья чуть маху я не дал.
В уме все варианты перебрал.
Такого оборота кто же ждал.

Пойти к гадалке друг мне подсказал.
У ней всю правду я вконец узнал.

Любимая с другим наедине,
Давно уже забыла обо мне.

У СЛУЧАЯ ПРЕКРАСНОГО В ГОСТЯХ

Там, где появляется человек,
природа становится окружающей средой.

Соловьиный край, без преувеличения, находится в окрестностях станицы Распопинской. Это, если кто не знает, центральная усадьба бывшего когда-то колхоза «Пионер», расположенная в двадцати километрах выше районного поселка Клетский, вверх по Дону. Однажды меня случайно занесло в эти, относительно глухие места, о чем я все прошедшие годы вспоминаю, как сон, каждую весну, когда начинают петь соловьи. Вспомнить же, право, есть что.

Вот в одну из таких весен я попал в Распопинскую, когда по служебным делам находился в Клетской. Меня пригласили в гости всего лишь на ночлег знакомые. Было поздно, хотелось перекусить, а в местную столовую лучше было не ходить, кормили как матросов на броненосце «Потемкин». После некоторых колебаний, я согласился, о чем и сейчас не жалею. Меня напоили домашним парным молоком и уложили спать, как и подобает в таких случаях, в горнице. Дом был старинный, какие обычно строили казаки. Створки в окнах можно было распахнуть настежь, чем я и воспользовался перед сном, с разрешения хозяев.

Ночью меня разбудил неожиданно грянувший многоголосый соловьиный хор, несмолкавший до самого утра. Такого я не слышал ни до, ни после. Казалось, над рекой собрались все соловьи Земли. Словами не передать мощь слитных трелей этих неприметных пташек. Я был поражен необычайным концертом и больше уж не мог сомкнуть глаз. Мне грезилось, как мы приедем сюда со своей любимой, которую я тогда еще не встретил на своем жизненном пути, и как она будет, обнимая меня, восторгаться соловьиным гимном, славившим весну и любовь.

Местным жителям, видно, эта красота была привычной. В повседневных трудах и заботах их уже не умиляла вся эта экзотика. Все шло своим чередом. Во всяком случае, хозяйка дома обыденно реагировала на мое проявление впечатлений, заметив, как само собой разумеющееся, что у них всегда так поют соловьи по весне. Для меня же этот благодатный соловьиный край был поразителен обилием этих пернатых певцов любви. Соловьи были повсюду. Они выводили свои рулады в садах, на крутых в тех местах берегах Дона, в зарослях балок. Они пели мне всю дорогу туда и обратно в

лесополосах, обмытых весенним дождем. Поистине, Распопинская – соловьиный край, куда я очень мечтаю еще раз вернуться, может быть, даже не один раз.

В заключение моего рассказа можно лишь с горькой иронией констатировать тот факт, что в окрестностях нашего достославного города Калача хорошо уживаются лишь птицы семейства врановых, добывая свой хлеб насущный на многочисленных свалках, да вот еще, может соловью-разбойнику из сказки, будут впору наши места. Иначе может быть, если только вдруг появится добрый волшебник, взмахнет своей волшебной палочкой и вмиг замрут чадящие, ревущие орды автомобилей, исколесившие все вокруг: лесополосы, рощи и перелески, все пляжные места; отведет от города истребители, которые чуть ли не на бреющем полете, с раннего утра с грохотом проносятся над нашими головами. От этого грохота срабатывает сигнализация стоящих под окнами автомашин. Начинается такая какофония звуков, от которых просыпается весь наш дом. Не «любители» приложиться к бутылке, включив на полную мощь динамики, под убийственное завывание попсы из открытых окон, продолжают прерванное с полуночи «культурное» времяпровождение. В соседней роще на своих гнездовьях начинают истошно кричать грачи, а по улице уже несется непрерывный поток авто-мото-техники, гудя и сигналя, оставляя за собой клубы пыли и удушливых газов, от которых мы задыхаемся не только на улице, но и в собственных квартирах. Начинается новый день. Все идет своим чередом. У нас, если и услышишь где соловья, то, скорее всего, шального. Немудрено, что при таком варварском отношении к природе, каждое лето горят сосны в лесополосах. Кто не знает, то скажу, что хвоя, опавшая с сосен, в жаркую пору вспыхивает, как порох, от малейшей искры и загасить пламя становится практически невозможно, а пока суд да дело, да Росприроднадзор, надо набирать в Распопинской чистого воздуха в бутылки и реализовывать их на наших улицах, наводненных транспортом всех мастей.

ДОРОФЕЕВА ЛАРИСА КОНОНОВНА

Содержание

О ЛЮБВИ ТАКОЙ РАЗНОЙ

Нежный мамин взгляд,
Улыбка – о любви лишь говорят.
Ты жизнь ее и счастье
И в радости и в день ненастья.
Улыбка школьника-мальчишки,
Что подарил тебе лишь книжку.
Он защищает от собак
И ходит рядом - просто так.

Но вот тебе семнадцать лет.
Ты любишь, ждешь ответ.
И солнце светит ярко:
От взгляда его жарко.
И сердце замирает,
А почему, кто знает.

И вот ты мать.
Какое слово! Не объять.

Мужают и растут сыны.
Ты шепчешь: «Не хочу войны!»
Проходит время, щебечут внуки,
Совсем нет времени для скуки.
Но вдруг беда нагрянет
И друга милого не станет,
И белый свет тебе не мил.
Нет друга, что тебя любил.
Ты не живешь, ты тень,
Ни ночь не радует, ни день.
Проходит много лет подряд
И вдруг ты ловишь чей-то взгляд.
Взгляд ласковый и нежный
Напоминает чем-то прежний.
В душе растаял лед,
Не каждый ведь поймет:
Того ты не забыла,
Все в памяти, что было.

Но жизнь идет, и вновь
К тебе пришла любовь.
От колыбели и до тризны
С любовью мы по жизни.
Не спрячешься и не уйдешь,
Она везде, где ты живешь.

***

Почувствовала как-то я мгновенно,
Что я живу легко и вдохновенно.
Я счастлива по-бабьи, ну и пусть,
Что иногда ко мне приходит грусть.
Найдет тоска и жизни я не рада,
А он придет и на душе отрада.

***

Незаметно годы пролетели
Прокружили как на карусели.
Счастья мало было,
Но его я не забыла.
Было бабье лето,
Я люблю его за это.
Вот зима уже подходит
Серебром виски подводит.
Зима, добрее будь,
Дать мне счастья не забудь.

В жизни, как и в природе
Есть четыре время года.
И в каждом времени, понятно,
Есть и плохое и приятное.
Но у меня всех лучше осень.
Тут глаз его блеснула просинь.
От улыбки стало мне светлей
Жить на свете много дней.
Любовь есть счастье и оно
Не каждому дано.
Я счастлива, меня оно коснулось
Однажды будто бы проснулась.

***

Иду по улице: вот тут
Ты шел со мной, мой друг.
Вот эти открывала я ворота,
Когда ты приезжал с работы.
Отсюда ж на работу провожала
И руки здесь твои меня ласкали.
Ко мне, сюда ходил ты на свидание,
А дома еще больше мук -
Везде тепло от твоих рук.
Улыбку вижу, слышу голос твой,
Когда ж наступит мой покой?
Как выдержать разлуку?
Как больно сердцу моему, какая мука!

ВОЙНА, ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ

К началу Великой Отечественной войны моя семья – родители и старшая сестра Полина жили в Казахстане в шахтерском городе Караганде. Родители работали на шахтах, добывали уголь. Мама трудилась ударно, наравне с папой, была «стахановкой», за что руководство ее ценило, не раз награждало ценными подарками и даже выделило комнату в семейном бараке. А мамина стахановская книжка у нас до сих пор хранится как семейная реликвия. Конечно, папа от супруги ни в чем не отставал, так что семья была у нас передовой. Потом маму перевели работать поваром в столовую при шахте, а папу – в отряд горноспасателей, командиром отделения. Это важная и ответственная работа – в любой беде спешить на выручку шахтерам, спасать жизни людей.

Когда пришла война, мой отец с самых первых дней стал проситься на фронт. Но в военкомате встречал лишь отказ, говорили, что он нужен здесь, в тылу, на него наложена, как тогда говорили «бронь». Но папа был настойчив и в военкомат ходил регулярно с просьбой об отправке на фронт. И вот в 1943 году, когда шло освобождение Донбасса от фашистов, папину просьбу удовлетворили, только направили его не в действующую армию, а в сформированный из таких же шахтеров –

добровольцев горноспасательный отряд. Их отправили на восстановление угольных шахт Донбасса.

Оттуда мы ждали и получали весточки от папы. Он писал, как идет восстановление шахт. Бывало, что на улицах очередного шахтерского городка еще идет бой с фашистами, а они, горноспасатели, уже под землей, готовят шахту к работе. Бывало и так, что в шахту попадали снаряды. Горноспасатели, похоронив погибших, снова приступали к работе. Стране нужен был уголь. Рассказывал папа и о том, как они с товарищами обнаружили в одной из шахт тела истерзанных и казненных фашистами молодогвардейцев. О себе папа много не писал. Он радовался, что война идет к концу и скоро наступит Мир.

Но вдруг письма перестали приходить. Мама очень переживала. Она в это время была на последнем месяце беременности. В эти дни я и появилась на свет. А на второй день моей жизни от папы, наконец-то пришло письмо. Полина, сестра, его получила и тут же принесла маме в роддом. Отцу писать это письмо помогла санитарка, которая за ним ухаживала, поскольку лежал папа в госпитале с перебитым в двух местах позвоночником – в шахту, где он работал, попала бомба. Папа писал, что живой, но недвижим, и если мама захочет его принять таким, (ведь он теперь инвалид на всю жизнь) то пусть за ним приезжает. А если не приедет – он ее поймет, и обижаться на нее не будет.

Прочитав это письмо, мама, как и любая женщина на ее месте, наплакалась, нарыдалась о своей бабьей судьбе, даже температура поднялась. А потом взяла себя в руки и приняла твердое решение – ехать к мужу, что, выписавшись из роддома, и сделала. Она написала ему письмо, в котором были такие строчки: «Поздравляю! У тебя родилась дочь! Я к тебе скоро приеду с обеими дочерьми, постараюсь поднять тебя на ноги. Младшую будешь нянчить, старшая уже взрослая – 14 лет, а я пойду на работу. Как бы ни было трудно, мы все переживем, жди нас».

Маму, конечно, многие отговаривали: «Мол, куда ты с малыми детьми? Там идут еще бои, можешь не доехать, пожалей себя и детей». Но мама отвечала: «Он мне муж и отец моих детей. Он сейчас в беде. Кто кроме меня ему поможет?» И поехала. Добирались две недели, потому что в первую очередь пропускали эшелоны с войсками, госпитали военное снаряжение. Мама потом нам рассказывала, что состав не раз бомбили – врагов не останавливали даже красные кресты на вагонах. Она рассказывала: «Начиналась бомбежка, я брала Лорочку на руки, Полину за ручонку и мы бежали под откос, на насыпь. Там, прижавшись к земле, молились и ждали, когда закончится налет. Фашисты бомбили не только вагоны, но и людей на насыпи, а были это в основном женщины с детьми. После налета все, кто уцелел, садились в уцелевшие вагоны и ехали дальше».

Приехав на место, мама сразу же забрала из госпиталя отца. Приложив все усилия, мама все-таки сумела поставить отца на ноги, причем так, что он не только стал ходить, но даже смог работать на шахтах Донбасса и в других организациях до самой пенсии. Со стороны можно было бы сказать, что произошло чудо, но мы знаем, какой ценой нашей маме это чудо доставалось. Конечно, папин позвоночник время от времени давал о себе знать. Но папа всегда говорил, что только благодаря маме он вновь стал полноценным человеком. И он всю жизнь был благодарен ей за это.

Вот такие чудеса творит женская любовь и верность!

ЗАКОМОЛДИН ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Содержание

«ЛОВУШКА» ПРИРОДЫ

Однажды пришлось мне идти по крутому правому берегу Дона. И вот впереди последняя балка и гора, за которой цель путешествия – место работы, где ждут стенды и плакаты на тему экологии, размышления о мастер-классах.

В то лето я был художником в одной здравнице, бывшей пионерским лагерем в прошлые годы. Служебный автобус каждый день перевозил через мост живущих в районном городке людей к месту работы. Опоздав на него, одолеваю эту дорогу пешком.

И вот, «срезая» угол, иду по склону к балке и попадаю в колючие заросли; сворачиваю в одну, в другую стороны – везде колючки. Обратно подниматься лень – устал. Присел на теплую землю склона и обомлел: полянка, где случайно оказался, была сказочной. Кругом цветы всех оттенков. Гудят летящие шмели, трепещут крылья стрекоз; белые, голубые бабочки – сами как цветы. Подсвистывает какая-то птичка. Райский уголок… На вершине холма ветер приглаживает траву и кусты, а здесь – тихо. Далеко внизу, на той стороне реки – районный городок, откуда я пришел, его дома, зелень деревьев, а дальше, растворяясь в горизонте – безграничная даль степей. Надо мной – ярко-синее небо, чуть тронутое перистыми облаками.

Мы часто суетимся, спешим, боимся опоздать куда-то, и много чего не замечаем, мимо чего проходим. А здесь природа продержала меня в своем плену, чтобы я смог увидеть в полном блеске ее красоту. Так проникновенно, без всякой цели и суеты, редко получается воспринимать прекрасное.

Вспомнились времена, когда еще ходил в детский сад. Это было в верховьях другой великой реки – Амура, на Шилке. Там был поселок, окруженный таежными сопками, а на таежной поляне, как теремок, стоял деревянный дом с башенкой – это был детский сад. Запомнились крупные и яркие сибирские цветы – жарки, саранки; цветущая черемуха, и какие-то мелкие желтые цветочки, то ли курослеп, то ли резеда, и особенно – цветение розового багульника, у которого необычный, пронзительно-сильный аромат. Первые уроки живой сказки, познанья, понимания красоты земли.

Сколько я пробыл в таком состоянии, не помню, но надо было идти дальше. Как-то выбрался. Вспомнил еще, что дома есть несколько незаконченных моих рисунков, где проглядывают похожие на эти места пейзажи. Потом, когда их нашел, то доработал, чтобы было больше внешнего сходства с виденным, а внутреннее уже было заложено в них. И теперь, когда смотрю на эти картинки, то наплывают яркие, пронзительные чувства и мысли, какие испытал от встречи с этими волшебными полянами.

КОРПУСОВА ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА

Содержание

Freundschaft – Дружба

Выйдя замуж за военного музыканта, я оказалась в Германии, на родине Гете, Шиллера, Бетховена и Шумана, на юге Баварии, в бывшей Германской Демократической Республике. Это были 60-е годы. Советские войска на этой территории назывались так – Группа советских войск в Германии. Композитор Покрас, будучи с концертным выступлением в ГДР, создал песню-марш, в которой были слова: «группа советских войск в Германии на боевом задании».

Наш танковый полк дислоцировался на окраине небольшого города. Жилье предоставлялось как в старых немецких домах, так и в домах, выстроенных уже в послевоенное время, но на территории воинской части. Кто жил в закрытых военных городках, тот знает, что жизнь семей военнослужащих полностью подчиняется военному порядку, а за границей тем более. Хотя ГДР была дружественной нам страной, немцы не все относились к нам лояльно, а некоторые открыто ненавидели нас и считали оккупантами. Видимо еще свежи были воспоминания о Великой Отечественной войне 1941-1945гг., где погибло свыше 7 млн. немцев, многие попали в плен к русским, да и Берлинская стена, разделившая страну на два лагеря, не являлась символом дружбы народов.

Периодически политотдел части собирал гражданское население, т. е. жен военнослужащих на политинформации, на которых нам в доступной форме излагали правила поведения в ГДР, отношение к немецким товарищам, к их порядкам, законам, обычаям. И подчеркивалось, что мы находимся в дружественной, но, все же, чужой стране, предостерегали нас о возможных инцидентах.

Музыкальный взвод, где служил мой муж, немецкие товарищи часто приглашали к себе, на свои предприятия, на совместные встречи, концерты. Особенно приятными были праздники осени, где им вручали большие наборы фруктов. Музыканты приглашались в школы и везде вроде бы их встречали хорошо. Но иногда поутру на внешних стенах нашего военного городка появлялись крупными буквами надписи: «русские оккупанты – вон!» или «Руссиш швайн», т. е. «Русские свиньи».

Во время празднования 1 Мая и 7 Ноября, гражданское население воинской части с песнями, под торжественные звуки военного оркестра шествовало по улицам города, видимо демонстрируя этим солидарность трудящихся всех стран и народов, и нашу силу. При звуках оркестра немцы открывали окна и, улыбаясь, махали рукой, приветствуя нас, кое-кто из-за шторы показывал кулак. И опять выходило, что в бочке меда присутствовала ложка дегтя.

На все торжественные мероприятия, проходившие в военном городке, командование части приглашало мэрию города. Немцев встречали как гостей, они занимали почетные места в зале. Да и кто откажется от щедрого, хлебосольного стола русских, после официальной части!

Психологически тяжело было привыкать к жизни закрытого военного городка. Общение с одними и теми же лицами надоедало. До слез хотелось домой, в Россию, где все такое родное, близкое, свое. Что такое ностальгия, это я поняла только там! Где

можно говорить на своем языке с кем угодно, и тебя поймут. Где можно уехать в любую часть страны и везде ты сможешь жить, где можно пойти в лес за грибами и ягодами, посидеть на зеленой лужайке, сфотографироваться у белоствольных березок, и тебя не будет шокировать окрик на чужом языке.

И частенько мы нарушали законы нашего гарнизона, уходили без мужей в город, на рынок, в немецкие магазины, на природу в лес. Однажды, вдвоем с подругой Леной, мы решили одни погулять по лесочку – через дорогу от военного городка. Был конец лета, очень тепло и мы в летних свободных платьицах, а было нам уже по 7 месяцев беременности, отправились подышать свежим воздухом. Не спеша мы поднялись на пригорок. Как на ладони был виден военный городок – казармы, солдаты, занимающиеся строевой подготовкой, наш КПП.

Вдруг на тропинке мы увидели немца с большой немецкой овчаркой. Он встречался нам и раньше, был студентом учебного заведения, находящегося неподалеку от гарнизона. Молодой, стройный, с густыми светлыми волосами, серыми глазами, он всегда как-то выделялся в толпе. Возможно, не особенно общительный, а может быть и надменный, он в основном был один, но всегда с собакой – немецкой овчаркой. Крупная, выхоленная, с лоснящейся шерстью, всегда на поводке с намордником, она смотрелась очень внушительно. В этот раз собака была без поводка и намордника.

Наклонившись к собаке, хозяин отдал ей какую-то команду и она огромными прыжками, с вздыбленным загривком понеслась к нам. Что мы чувствовали в это время, не передать словами. Бежать? От собаки убегать нельзя, это бы только ухудшило наше положение, да и далеко ли бы мы от нее убежали? Я взглянула на свою попутчицу: белая, как стена, в полуобморочном состоянии, подруга буквально висела на моем плече. Плохо соображая в эту минуту, я негромко, но внушительно твердила: «Убери собаку, убери собаку!», совершенно забыв, что он, возможно, не понимает меня. Тихая команда – и собака в последнюю секунду как-будто вросла у наших ног, а потом нехотя пошла к хозяину. Я взглянула на немца и увидела столько ненависти и злорадства на его лице, что мне стало по-настоящему страшно. Так же незаметно он исчез вместе с собакой, как и появился. На ватных ногах, поддерживая друг друга, мы не то что пошли, а просто поплелись без сил домой. И больше никуда и никогда не ходили гулять без мужей.

Прошло уже много лет, и я сейчас стараюсь как-то понять неприязнь к русским этого студента. Возможно, война не обошла стороной и его семью, возможно, погибли его родственники в этой страшной кровавой бойне. Но ведь мы же их не звали к себе, и нужно было бы им знать пророческие слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стоит, и стоять будет русская земля».

65 лет прошло со времени окончания войны, выросло другое поколение и русских, и немцев, установились другие взаимоотношения между ними, ликвидирована Берлинская стена, но когда мне встречается немецкое слово Freundschaft, я снова вижу немецкую овчарку с вздыбленным загривком, летящую на меня, и полный ненависти взгляд молодого немца.

АРОМАТ ОСЕННИХ РОЗ

«Вдыхая розы аромат,
Тенистый вспоминаю сад
И слово нежное «люблю»,
Что вы сказали мне тогда».

В молодости, до замужества, я работала на фабрике кожаных изделий. При поступлении на работу в отделе кадров, после заполнения определенных документов, как и везде, был проведен вводный инструктаж. Мне коротко рассказали, что выпускает фабрика, чем занимается каждый цех, распорядок рабочего дня, место и время приема пищи и другие моменты, касающиеся работы и как-то вскользь предупредили, что цветы, растущие на территории фабрики, рвать запрещено. Это предупреждение для меня показалось странным и лишним. Я человек вполне адекватный – чужие письма не читаю, экспонаты на выставках и в музеях не трогаю, цветы на чужих клумбах не рву.

На территории фабрики был зеленый уголок. Как сейчас говорят уголок психологической разгрузки. Небольшой ухоженный садик, окруженный цветущими каштанами, сиренью, акацией, с фонтаном, а в центре садика огромная клумба темно-красных роз. Розы были ухожены, они цвели все лето до глубокой осени. Не было ни одного сухого листика, всегда они были политы, а после дождя на них, как хрустальные, переливались капельки воды, красота неописуемая, а запах кружил голову.

«Как хороши, как свежи были розы в моем саду! Как взор прельщали мой» (Иван Мятлев, 1834 г.). Вокруг клумбы стояли садовые скамейки для отдыха, где работницы цехов отдыхали. Так как перерывы на обед были строго по графику, то и зона отдыха в садике не пустовала.

Здесь не вели речь о работе, молодежь любовалась чудесными розами, обсуждали фильмы, вышедшие на экраны городских кинотеатров, предстоящие вечерние свидания, поездки к морю и т.д. В этом райском уголке мы действительно отдыхали, и после окончания перерыва не хотелось его покидать. Проработав в цехе около месяца, я услышала разговор, что снова кого-то уволили. Оказалось, уволили недавно принятого на работу молодого парня – он сорвал на клумбе несколько роз. Вот так строго наказывали работников, посягнувших на красоту.

Время шло, я работала на фабрике уже второй год. Стоял сентябрь, самое чудесное время на Кубани. Схлынула жара, но вечерами было еще очень тепло и как-то по-особому, по-осеннему цвели на нашей клумбе розы.

Роза – цветок любви, сколько сложено о ней стихов, сколько создано песен, сколько поэтов воспевало ее красоту, сколько их подарено любимым с признаниями в любви. Но только осенью они особенно нежные, изящные, более чувственные и более ранимые, с каким-то очень тонким, едва ощутимым ароматом.

Как-то окончив вторую смену, она заканчивалась поздно, в 23:30, я не спеша вышла из проходной фабрики и свернула на дорожку, ведущую к троллейбусной остановке. Вдруг в темном месте неожиданно дорогу мне преградил мужчина, я остановилась. Передо мной стоял наш слесарь Гриша с розами в руках. «Это тебе» - произнес он. Я остолбенела, как будто меня поразила молния. Он протягивал мне не

букет, а огромную охапку темно-красных роз, и я с ужасом поняла, что это были розы с фабричной клумбы. Я потеряла дар речи, в голове мелькала только одна мысль, - «Ну все, завтра он будет уволен с работы, а заодно и я, как соучастница».

В троллейбусе все ночные пассажиры удивленно смотрели на меня с этой огромной охапкой темно-красных роз.

На этом и закончился мой не начавшийся роман – Гриша был женат.

И позднее мужчины мне дарили цветы, но эту охапку осенних роз, с едва уловимым запахом горечи, я вспоминаю всегда с доброй улыбкой.

КУСОК ЧЕРНОГО ХЛЕБА

Это было давно. Мы жили в маленьком немецком городке в Германской Демократической Республике в новой девятиэтажке, на улице Космонавтов. Дом был заселен семьями русских и немцев, он как бы символизировал единение народов. На пригорке, один среди частных домов, он выделялся своей высотой, красотой, новизной, стоял как корабль, открытый всем ветрам жизни.

Фрау Марта жила в одном доме с нами, только мы на четвертом этаже, а она на шестом. Наблюдая из окна нашей квартиры, как она вечером идет после трудового дня, думалось: «Вот, идет после работы, как и русская женщина, с тяжелым пакетом, с усилием поднимаясь по ступенькам лестницы. В ее фигуре чувствуется усталость, видимо день прошел с большой нагрузкой».

Позднее, мы познакомились с ней поближе. Работала она переводчицей русского языка в немецком полицейском участке. И так сложилось, что иногда приходилось обращаться к ней за помощью. Она охотно откликалась на наши просьбы и даже с каким-то удовольствием выполняла их.

Ближе всех фрау Марта сошлась с Надеждой Васильевной. Они были примерно одного возраста. Обе хорошо помнили войну, одна пережила ее на Украине, а другая – на своей Родине, в Германии.

Как-то возвращаясь из отпуска с Украины, Надежда Васильевна, по просьбе фрау Марты, привезла ей буханку хлеба, черного, ржаного, с пригорелой корочкой. Приняв из рук Надежды Васильевны хлеб, фрау Марта, поцеловав его, прижала к груди, ее глаза наполнились слезами. «Спасибо, данке, спасибо» - произносила она, совершенно не замечая в эту минуту, что путает русские и немецкие слова. На наши удивленные, немые вопросы, немного успокоившись, она рассказала историю из своей жизни.

Вот она. «Эта проклятая война коснулась всех нас, она никого не щадила. Досталось и нам, простым немцам. Когда русские войска стали приближаться к границе Германии, немецким правительством была объявлена тотальная мобилизация населения, в армию были призваны все, кто мог держать в руках оружие. Активизировалась работа детских и подростковых организаций, детей обучали правилам обращения с оружием, вбивали в голову, что весь мир должен принадлежать только немцам. Дети давали клятву на верность Гитлеру, своим умом не совсем понимая, что он собой представлял.

Я, в нашей семье, была старшим ребенком, почти девушка, две сестренки были намного младше. Отец давно погиб на фронте в России, жили с матерью. К концу войны стало совсем тяжело, продавать и обменивать на еду было уже нечего. Все

запасы продуктов были съедены, талоны на питание уже не выдавались. От постоянного недоедания кружилась голова, мы старались меньше двигаться. Ждать помощи было неоткуда. Брошенные на произвол судьбы, мы не знали, что нас ожидает. Фронт приблизился к нашему городу. Фашистская пропаганда работала четко. Населению рассказывали, что русские – это какие-то чудища, страшные и кровожадные. Они убивают всех, кто встретится на пути, не щадят ни стариков, ни женщин, ни детей. Все это подтверждалось плакатами и листовками.

Мы, запуганные, были в полном отчаянии. Больно стало смотреть на нашу маму, она очень переживала за всех нас. И вот, когда это отчаяние достигло предела, мама собрала нас всех в кухне и открыла конфорку на газовой плите.

«Уж лучше мы сами уйдем из жизни, чем я отдам своих детей на растерзание этим русским» - сказала она, обнимая нас. Услышав шипение газа, и поняв, что пришла беда, мы все заплакали. От нашего плача мама как будто вышла из оцепенения. «А вдруг все обойдется, - мелькнула мысль, - и мы будем жить дальше» - уже позднее рассказывала нам она. Выключила газ, открыла окна и двери.

Русские уже вошли в город. Мы боялись выходить на улицу и наблюдали за ними из-за закрытых жалюзи. А вскоре соседи сказали, что на городской площади русские кормят детей и женщин. Голод поборол страх, и вместе с мамой, взяв младших детей за ручонки, пошли на площадь. На дрожащих ногах, оглядываясь от страха, мы добрели до площади. Увидели в центре полевую кухню и длинную очередь детей и женщин. Русский солдат с добродушным лицом, в лихо сдвинутой на затылок пилотке, наливал суп в протянутые кастрюльки, чашки, миски. Запах еды кружил голову. Когда подошла наша очередь, суп закончился, солдат стал разрезать буханки хлеба на большие куски и раздавать детям. Мы боялись протянуть руку за хлебом, а он говорил: «Бери, бери», вкладывая в детские ручонки эти куски. Я взглянула на маму, из ее глаз катились слезы. Она поняла, что мы спасены, что мы будем жить.

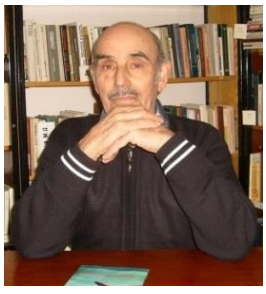
Это был настоящий хлеб, а не эрзац, которым все питались во время войны. Мягкий, ноздреватый, хорошо пропеченный, с черной корочкой. В этот момент кусок черного солдатского хлеба был для нас ценней и слаще всех деликатесов. Я запомнила запах и вкус русского хлеба на всю свою жизнь. Позднее, повзрослев и переоценив события тех лет, я поняла, что русский солдат дал мне тогда не кусок черного хлеба, он подарил мне жизнь».

Это был рассказ фрау Марты.

КУЧМЕНКО АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Содержание

МОЙ МИР

Ночь человеку вовсе не для сна,
Ночь человеку для души дана.
Я только там с собой наедине,
Где дремлет леший на трухлявом пне.
Где плачет грусть зелеными слезами,
Где бродят сны с открытыми глазами.
Пороков Ваших здесь никто не видит,

Где Вас никто на свете не обидит.
Не суета, затертая до дыр,
Мой нереальный, параллельный мир,
Подальше от домашнего ненастья,
Здесь все деревья говорят о счастье.
Здесь в тайну жизни посвящают небеса,
Здесь можно ночи заглянуть в глаза.
Чуть слышный зов из далека - далече,
Здесь тайно кто-то зажигает свечи.
Здесь не тревожит Вас невинная разлука,
Не лезет в душу, как всегда, без стука.
И здесь моя последняя страница…
С ней в прежний мир могу не возвратиться.

ЛУНА

Меня, невольно отобрав у сна,
Уводит в ночь бестыжая луна.
Уводит из тепла, где счастлив я
и молод
В другую ночь, где темнота и холод.
Бредут со мною рядом чьи-то тени,
Берез истерзанных изогнуты колени.
Плывут навстречу огоньки от сигарет,

И страшная тоска. Спасенья нет.
И вот ложится на плечо рука,
И огоньки у моего виска
Уходят, бестелесны, как в бреду,
Уходят в ночь. В больную пустоту.
Туманным призраком, не видя, не маня,
Ты каждый раз уходишь от меня.
Уходишь непохожая, не та
Веревка на суку. И пустота.
Давящий крик и темнота, ни зги,
Я просыпаюсь с криком: «Помоги!»

***

Поболеем, погрустим, а потом забудем…
Отшумела моя роща, отслужила людям.
Я давно болею ею, много-много лет подряд,
Говорят, что время лечит, отчего – не говорят.
Равнодушным легче жить, веселей и проще,
Только рядом, за дорогой, умирает роща.
Отжалею, отболею и до будущей весны,
Доживу неизлечимым, виноватым без вины.

Как ни грустно, наступило время выронить весло,
Смыло душу половодьем, закружило, понесло.
Многоструйный Херувим, ветер-непоседа,
С тихим вздохом улетит, не оставив следа.

ВРЕМЯ РАССУДИТ, ОДОБРИТ, ОСУДИТ

Обманутый временем каждый из нас:
«Куда торопиться? Успеем…»
На этой Земле мы живем только раз,
А счастье найти не умеем.
Бывает и с «бзыком» и с сердцем впрострел,
Больной колотун нашей жизни.
Стучится к нам срок, что войти не успел,
Стучит, чтоб напомнить о тризне…
Доверившись вечному зову Луны,
Ступеньки крыльца, будто годы.
По небу ночному, как детские сны,
Стрижи мельтешат… Или звезды?

ДАВНИЕ ДРУЗЬЯ

Знакомьтесь – Давние друзья,
Мой старый тополь, он и я.
Он для понятливых гостей
Нашепчет кучу новостей.
Про времена весенних гроз,
Про белый танец у берез.
Где, почему, когда и как,
С кем лясы точит березняк.
Кто собирает ночью росы,
Кто иве расплетает косы.
Шепнет про нежности весны,
Про эхо и про птичьи сны.
И он правдивей и честней
Газет и теленовостей.
В сгоревших заживо лесах,
О жизни, превращенной в прах.
Природа силушку дала,
С одной пушинки – два ствола…
Дуб – патриарх любого леса,
От дури лечит и от стресса.
(Ведет себя довольно строго)
Меня он лечит от второго.
Вполне галантно, не для шика,
Когда он снял симптомы бзыка,

Я поклонился… А потом,
Украсил талию бантом.
Кому по-белому завидно,
Тем скромный бант с дороги видно…
Кому-то странные друзья,
Мы с тополем, и он и я.
Предпочитаем рифмы хлебу,
Глядим в глаза ночному небу.
Где каждый ищет на беду,
Свою угасшую звезду.

РОСИНКИ

***

Коль есть Душа, то есть и тайна,
Сокрыта в истине святой.
Живет на свете недоступность,
С похожей на мою душой.

***

И жизни, казалось, не будет конца,
Надежда – великая сила.
Заблудшее счастье нашло бы творца,
Но жизни, увы, не хватило.

***

С годами мы уходим на покой,
С годами угасает вдохновение.
Нас иногда заносит в мир иной,
Где, кажется, нет места для рождения.
Нам друг от друга некуда уйти,
И рай, и ад для нас хмельное зелье.
Друзей оставленных на жизненном пути,
Я приглашу к себе на новоселье.

***

Судьба решила: пусть еще одна,
Мне свалится на голову Весна.
Подстроила свиданье у ворот,
А той Весне, шел 23-й год.
За это, я судьбу свою корю,
Одумаюсь и вновь благодарю.
Идут года и я давно не молод,
Душе тепло, а за душою холод.

***

Не меньше тысячи деревьев разных видов,
Я посадил за жизнь на Земле.
Наверно, я из племени друидов,
Деревьям поклоняюсь и траве.

***

Зачем так рано, в детские года
Трагически угасла та Звезда?
Зачем так поздно, вновь явился свет,
И где я проболтался столько лет?

***

Куда ты мчалась, Птица-Тройка?
Прошли столетия… И вот,
Влетела в Пушкинское время,
В страну рабов, страну господ.
И снова унтер Пришибеев,
Шагает вдоль по мостовой.
И держиморды чистят морды,
И суд вершит городовой.
Нас не подхватит Птица-Тройка,
Для нас, что раньше, что теперь.
Прошу прощенья… Дописался!
Полиция стучится в дверь.

***

Поэзии утраченное скерцо,
Былой наивности святая благодать.
Зубная боль бывает и у сердца,
За то, что не умеет забывать.

***

Было, как в романах, было как в кино,
Что когда-то было, схлынуло давно.
Хорошо и плохо нам с тобой вдвоем,
Посидим, «поплачем», а потом споем.

***

Мое жизненное кредо –
Ни восторгов, ни нытья.
Я в поэзии, как в детстве,
Бородатое дитя.

***

Пишет осень желтой охрою картины.
Рвет октябрь под окошком сентябрины.
Тают утром на шипах росинки-слезы,
В чью-то память лепестки роняют розы.
Дни рождений округляют годы-звенья,
Так упорно ждали розы день рожденья.
Лепестки опавшей розы, как когда-то,
А душа, она всегда зовет куда-то.

***

Пусть молодость не встретилась с мечтой,
И счастье тоже заплутало где-то.
Мне с Вестою, богиней очага,
Помимо прочего везло хотя бы в этом.

***

Уйду, оставив в росных травах
Зеленый неприметный след.
И философские раздумья,
И лирику последних лет.
Как все ушедшие, узнаю,
Шагнув в малиновый закат,
О самой главной тайне жизни –
О возвращении назад.

***

Я не пишу хвалебных од
По чьей-то прихоти, кому-то.
Не в моду лыко, не в строку,
Не соответствует чему-то.
А я чудак. Иду в Природу,
(кому-то это не дано)
Гляжу в распахнутое сердце,
Как в деревенское окно.
Я обращусь к Вам, небеса,
Когда совсем сгустятся тени:
«Всевышний, дай мне силу встать,
Перед Природой на колени».

***

Думы – вольные кони,
Слава Богу, что так.
Но бывают минуты,

Чувства сжаты в кулак.
Наши души созвучны,
Только в рифмах стихов.
Скачут вольные кони,
В седлах нет седоков.

***

Ушло отпущенное время,
На неполученный ответ…
- А в этой жизни, у кого-то,
Бывало счастье, или нет?
И это все в последний раз,
Взглянуть в глаза и улыбнуться.
В последний раз сказать «прости»,
Уйти и больше не вернуться.

***

Обычай предков. В этот день в помине,
Былых костров священные огни.
Живет поверье, будто и поныне,
В ночь, на Купалу, оживают пни.
Бесчувственному времени не жалко,
Традиций давних заметать следы.
К костру зеленоглазая русалка,
И в этот раз не вышла из воды.

***

Поторопилась наша осень, поспешила,
Не пожалела нас с тобою…, подменила.
К чему просить тепло у непогоды,
Нас отрезвили обстоятельства и годы.

ЛОМАКИНА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА

Содержание

ИМЯ РОССИЯ

Я у светлого неба спросила,
Голос мой прозвенел в вышине:
Отчего это имя – Россия
Отзывается синью во мне?

Мне ответило небо звездою:
«Потому что всем сердцем любя
Родниково-озерной водою
Напоила Россия тебя».

Я у свежего ветра спросила,
Что играл на ковыльной струне:
Отчего это имя – Россия
Отзывается песней во мне?

Ветер теплый летал на приволье,
За усы колоски теребя.
Он ответил мне: «Хлебом и солью
Угощала Россия тебя».
Я у яркого солнца спросила:
Почему для меня с детских лет
Кроме светлого имя Россия
Ничего драгоценнее нет?

И ответ, как лучи его, греет,
Золотистым восторгом клубя:
«Безграничной любовью своею
Воспитала Россия тебя!»

Я тебе благодарна, Россия,
Наша милая светлая Русь!
За любовь, мне дающую силу,
Я, Россия, тебе поклонюсь!

ЗА ГОРИЗОНТ

Не надо… Подгоняя бег коней,
Сквозь дробь копыт услышит только
ветер,
О том, что с каждым днем душе
больней,
О том, что счастья нет на этом свете.
Поднимет пыль стремительный табун,
Она осядет серебром на сердце.
И тихи звуки камышовых струн,
Но лезут в душу, никуда не деться.
За горизонт увел коней вожак,
Как будто растворились в неба сини.
И, кажется – один остался шаг,
Дрожит листок последний на осине…

ЗАТОСКУЙ

Вот сейчас. Затоскуй обо мне
Да так, что б до боли, до стона.

Да так, чтобы скрип по холодной
стене –
В кровь ногти по телу бетона.
И чтоб тишины непроглядный туман
На крике зверином – на клочья,
Да так, чтоб пусть смерть, пусть сума,
пусть обман,
Но не одиночество ночью.
Да так, чтоб весь мир показался
пустым
Ненужным, убогим, нелепым.
Чтоб сам ты, казалось, от горя застыл,
За вечность разлуки ослепнув.
Да так, чтоб рубаху рванув на груди,
Как будто под пули шагаешь…
А после, все просто – ко мне приходи,
Теперь ты меня понимаешь.

ЖЕНЩИНА-ОСЕНЬ

Даже осень ничего не значит,
Коль решила – буду молодой!
Пусть себе дожди уныло плачут
Стылою осеннею водой.
Даже осень ничего не может,
Хоть и пожелтели дерева.
Захочу – и становлюсь моложе,
Потому что женщина права.
Годы, осмысляя как богатство,
Пусть лукавят те, кто духом слаб.
Осень! Это просто святотатство –
Превращать красивых женщин в баб.
Я тебя сильнее, слышишь, осень,
Погляди – как молод блеск в глазах.
Погляди – они, как неба просинь,
Как на солнце моря бирюза.
Ты не сможешь сделать мне больнее,
Хоть еще в сто раз морозней будь.
Ветер в грудь лишь делает сильнее,
Если счастьем дышит эта грудь.
Осень эта пусть других печалит,
Я же чуда жду и волшебства.
Жду большой любви своей начала.
Женщина я! Значит – я права!

РАСПЛАТА

Так долго я на берегу сидела,
Глазами, провожая гладь воды,
И мной одно всевластно лишь владело –
Боль и отчаянье ворвавшейся беды.
Пока сидела, будто камнем стала,
Лишь рикошетят быстрых пуль плевки,
Хотя душа… она еще страдала.
И побелила инеем виски.
Вокруг грели звуки близкой битвы,
Она была чужая, не моя.
Моими были скорбные молитвы.
Просила мести и возмездья я.
Ждала расплаты, и она настала,
Я оглядела тихо берега,
И… ничего почти не испытала,
Когда проплыл он мимо, труп врага.

ЦВЕТ РАЗЛУКИ

Цвет разлуки – кромешно черный.
Цвета воронова крыла,
Цвета мутной воды озерной,
Той, что тиною заросла.
Приближенье ее пугает,
Будто там, за ней – пустота.
Смертным холодом накрывает
С головою меня чернота.
Будто голоса нет для крика,
Будто пропасть разинула пасть –
Страшно. Больно. Ужасно. Дико.
Я готовлюсь в разлуку упасть.
И страданья невыносимы,
И мучения нелегки.
Мы с тобою всегда неделимы,
Черен мир без твоей руки.

ДОЖДЬ

Стоять, глядеть на дождь заворожено,
Без мыслей в голове и без тревог.
Дождя унылый голос монотонный
Пускай ведет свой дробный монолог.
С листов дрожащих капли вниз стекают,
Минуты также плачут, уходя.

Я стала опустевшая такая
Под звуки отшумевшего дождя.

ЖЕНЩИНА ПРАВА

Даже осень ничего не значит,
Коль решила – буду молодой!
Пусть себе дожди уныло плачут
Стылою осеннею водой.
Даже осень ничего не может,
Хоть и пожелтели дерева.
Захочу – и становлюсь моложе,
Потому что женщина права.
Годы, осмысляя как богатство,
Пусть лукавят те, кто духом слаб.
Осень! Это просто святотатство --
Превращать красивых женщин в баб.
Я тебя сильнее, слышишь, осень,
Погляди – как молод блеск в глазах.
Погляди – они как неба просинь,
Как на солнце моря бирюза.
Ты не сможешь сделать мне больнее,
Хоть еще в сто раз морозней будь.
Ветер в грудь лишь делает сильнее,
Если счастьем дышит эта грудь.
Осень эта пусть других печалит,
Я же чуда жду и волшебства.
Жду большой любви своей начала.
Женщина я! Значит я права!

ОН РАЗГОВОРЫ ВЕДЕТ С МУЗАМИ

Г.А. Закомолдину

Он разговоры ведет с Музами,
Ведь с ними не надо, чтоб речь – плавная.
Признанный, но до конца не узнанный
В поисках долгих вечного главного:
Смысла Познания, смысла Гармонии,
Строчка – к мазку и опять все набело.
Люди, вы в жизни его посторонние,
Ваши тесны для него правила.
Внешнее – лишь оболочка душевного,
Сбивчива речь, суетливы движения.
В муках познанья его ежедневного
Рвется наружу души выражение.
Вспышки открытий, рожденье истины,
Словно опять – айсберг с «Титаником».

Мастер, блуждающий в поисках пристани,
Парус, измученный дальним скитанием.
Если устанете быть однотипными,
Сразу поймете - искусство заразное.
И вот тогда-то рванут монотипии
Душу на клочья тюльпанами красными.

ОН И ОНА

Там, где Она – блеск огней,
Хмель от вина – рядом с ней,
Звезды летят к ней в ладонь
Струны звенят – только тронь.
Счастье в глазах, мир Весны,
Власть и любовь ей даны.
А там, где Он – ночь и тьма,
Даже луна воет сама,
Тени в кустах, стоны сов,
Сходит с ума тишь от басов.
Боль там, где он, страх вины,
Слезы текут, но не видны.
Сердце ему – в клочья порвать,
Чтобы ей просто «Здравствуй» сказать.
Дальше опять – боль вины,
Снова кошмаром пропитаны сны.
И – ничего. И – тишина.
Чтоб ничего не узнала Она.
Чтобы во всем блеске огней
Счастье всегда было с ней.
Все это так, только когда
Ночью в ладонь упадет ей звезда.
Взглядом во тьму она загрустит,
Тихо шепнет: «Знаю. Прости».

СВОБОДЫ ГОРЬКИЙ ВКУС

Ты так хотел свободы,
Ну что же, получи
От сердца ледяного
Я отдаю ключи.
Теперь ты сам решаешь
Кому их доверять.
И можешь даже просто
Их взять и потерять.
Защелкнутый от мира,
Свободный от любви,

Не сотворив кумира,
Как хочешь, так живи.
Копи себе соблазны,
Порушив крепость уз…
Испей вина и празднуй
Свободы горький вкус.

***

Сердце не пишет стихов –
Мертвыми вышли бы строчки.
Во искупленье грехов
Выжала сердце. Точка.
Капает на ковры
То, что любить умело.
Будьте уж так добры,
И не тревожьте тело.
Станется с вас души,
Ей вы сполна владели.
Продали за гроши,
И не роптать велели.
Я и сама молчу,
Мир не узнает правды.
Как я была палачу
Необъяснимо рада.

НАШ ДОНСКОЙ ПОЭТ ПРАСКОВЬЯ

П.К. Горбатовой

Льется песенка с любовью,
Чудных слов Донская вязь
Ах, опять-опять Прасковья
Аж до сердца добралась
Без пустого баснословья,
Самым русским языком.
Кажется, идем с Прасковьей
Летним лугом босиком
То судьбу жалеем вдовью,
То потерянных детей
Спой еще мне песнь, Прасковья
Как умеешь - без затей
Словно мать у изголовья
Колыбельную поет -
Речь тиха твоя, Прасковья,
Но, так за душу берет!
Льется тихое присловье,
Словно нить с веретена

Вновь в твой край донской, Прасковья
Тихо шествует весна
Легкий шаг ее опишешь
Так, как можешь только ты
Тихо, сердце! Строки слышишь
Родниковой чистоты?

СНЕГУРОЧКА

Снова снег лег ковром за околицей,
Не расплавит любовь льда холодного.
Снова надвое сердце расколется,
От страдания безысходного.
Белокосая, светлоглазая
Для кого-то могла стать любимою.
Но ему о любви рассказывать
Боль огромно-невыносимая.
Для него ничего не меняется –
Ты нежданной была Снегурочкой…
Над костром тихо пар растворяется.
Ну зачем же ты прыгнула, дурочка?..

ЗИМА ВЕРНУЛАСЬ В ГОРОД

Зима вернулась в город,
Снег лег на зелень лета.
Ну где же ты, мой гордый,
Единственный мой, где ты?
Безжалостно танцуют
Снежинки по живому…
Зима меня целует,
В метельный тянет омут.
Трава так верит в лето
И гибнет от мороза.
Единственный мой, где ты?
Прости за эти слезы.

НОВЫЙ ГОД

В пестром блеске серпантина,
Спит хвои зеленый дом.
Поедают мандарины
Наши дети за столом.
В их глазах гирлянды-звезды
Вновь хитринками блестят.
Им не спится, хоть и поздно,
Новый Год встречать хотят.
Потому что шумно будет,

Фейерверки и «Ура!»,
И, конечно, не забудет
Про подарки детвора.
Засыпая шмыгнет счастьем
Маленький курносый нос.
Под подушкой тают сласти,
«До свиданья, Дед Мороз»…

ЗЛОЕ ЧТО-ТО

Монстры выкрали родного человека,
С кем я прожила уже полвека.
И подсунули взамен родного мужа
То, что ста смертей, пожалуй, хуже.
Как же незаметно так случилось,
Вместо мужа что-то появилось?
Это что-то и ворчит и злится,
Это что-то любит похвалиться.
Это что-то лишь собой довольно,
А других кусает очень больно.
Это что-то ничего не видит,
Не заметив, до смерти обидит.
И ворчит в углу и обзывает
И рычит, и добрым не бывает.
Где набраться колдовства такого,
Чтобы мне вернули дорого,
Доброго, веселого мужчину,
Что прогонит прочь тоску-кручину,
Что как прежде тихо сядет рядом
И согреет добрым нежным взглядом,
И прогонит тучи и невзгоды,
И – плечом к плечу сквозь дни и годы.
Пусть согреет он меня своей заботой
И прогонит это злое что-то.

ЕСЛИ ВЕРИТЬ В ЧУДО

Терпко пахнут мандарины,
Горький хвойный аромат,
Наступает год тигриный,
Стрелки быстрые спешат.
Дочка, хоть и стала взрослой,
Из-под челки - хитрый взгляд,
Задает опять вопросы,
Нас вопросы веселят.
«Дед Мороз придет, конечно?» –

Снова к папе пристает.
И со списками подарков
Арифметику ведет.
«Если дети верят в чудо, -
Объясняет нам она, -
Непременно чудо будет,
В этом я убеждена»!
Эту хитрость, кто осудит?
Я, сама, смешки храня,
Мужу: «Может, не забудет
Дед Мороз и про меня?»

НОВОГОДНЕЕ

Хрумкает сухарной коркой
Под ногами белый снег,
Вот уже второй десяток
Ты меняешь, новый век.
Отмечая год пришедший
В чудном запахе хвои,
В суматохе сумасшедшей,
Чтим обычаи твои.
Елки дружно наряжаем,
Зажигая сто огней,
Сотни горок оставляем
Под полозьями саней.
Лепим снежные фигуры,
Битвы снежные вершим,
И бежим в Дома культуры
Веселиться от души.
Мандарины, шоколадки –
Самый вкусный аромат.
И подарков горы сладких
Вновь под елочкой стоят.
В гости старца ждем седого,
Учим новые стихи.
Покупаем мы обновы,
Кучу разной чепухи.
Будто всюду населенье
Вирус смеха заразил.
Поднимаем настроенье
Не жалея средств и сил.
Оливье – всему основа
И шампанского бокал,
И под звук курантов снова
Каждый что-то загадал.

Дальше – фейерверков чудо,
Крики громкие «Ура!»,
Веселиться люди будут
Аж до самого утра.
Но и этим утром тоже
Греем в сердце волшебство –
Скоро сказку мы продолжим,
Скоро будет Рождество.

ДЕНЬ ВЛЮБЛЕННЫХ

Нам совсем не нужен День влюбленных,
Чтоб в ладонях согревать свечу.
Но из самых мыслей потаенных
Поняла – романтики хочу.
Это хорошо, что в доме нашем,
Я - любимая жена и мать.
Ну, давайте, так мы, что ли скажем –
Я хочу, как прежде… волновать!
Взял бы да звезду достал ты мне бы,
И луну тогда уж в пару к ней.
И вообще – давай, дари уж небо,
И колье из дорогих камней.
Чтобы от порога и до спальни
(Ну, куда меня б потом унес),
Путь, пускай такой, совсем недальний,
Был осыпан лепестками роз.
Чтобы под окошком – серенаду,
Чтобы – на всю улицу: «Люблю!!!».
Понимаешь, дорогой, так надо,
Это я серьезно говорю.
Я тебя, конечно, не неволю,
Но давно и сам ты б мог понять –
Подвиг совершил какой-то, что ли.
Да не просто так, ради меня!
СМС-ки – это так банально,
Но, цветы, пожалуй, как всегда.
Вот духи – уже не актуально,
Как и туалетная вода.
Ты давай, не уходи от темы,
Я уже устала намекать,
Ну скажи, неужто так проблемно
То, что нужно женщине, понять!?

Содержание

МАМОНТОВА ЛИДИЯ АНДРЕЕВНА

В ЗИМНЕМ ГОРОДЕ

Люблю из тихого посёлка
Приехать в этот шумный город,
Для глаз здесь наслаждений столько,
И впечатлений ярких ворох.

Люблю, о чём-нибудь мечтая,
Вдруг затеряться я в толпе,
Лишь мимолётно замечая
Дизайн затейливый кафе.

И от «танцующего моста»
Пройтись до самых тех «Стрельцов»,
Что смотрят величаво-просто
С ладьи на дали островов.

И возвратившись до Аллеи,
И Обелиску дань отдав,
На Волгу выйти к Пропилеям,
Простор реки душой обняв.

Взглянуть на дерево-светоид
И блеск таинственных ветвей,
И окружающий их пояс -
Гирлянду круглых фонарей…

И круг агашинских берёзок,
Их лёгкий белый хоровод
Мне снова душу растревожит,
Мотив знакомый напоёт,

Чтоб погрустить о днях прошедших
У зимних волжских берегов…
Свернуть на рынок, у кафешки
Поесть горячих хычынов,

Потом вернуться снова можно,
Пройти знакомый поворот
И поглазеть, как брат художник
Свои картины продаёт,

Вдоль волгоградского Монмартра

Идти, бросая взгляд
На виды в разноцветных рамках,
Матрёшек и резных зверят…

Потом, дождавшись, сесть в троллейбус.
И погрузясь в его тепло,
На неразгаданный, как ребус,
Смотреть на город сквозь стекло…

«Ничем не насытясь, мы канем во мглу…»
Павел Антокольский.

Тагетесы теряют цвет
В лучах закатных,
Уже оранжевости нет
Головок статных.

Цветущий солнечный массив
Оттенка охры
Назад секунду был красив,
О, всё поблёкло.

Вот так и жизнь, блеснёт на миг
И в бездну канет.
Не будет там картин и книг,
Тебя не станет…

УТРО

Рассвет оттенка чайной розы
Уже встаёт в тиши морозной
И робко мягкий снег летает,
Ковром травинки укрывая.

Не все деревья облетели,
Видна зелёная листва.
Нежны лишь первые метели,
Ну, а потом – зима, зима.

И будет снегом всё одето,
Подует ветер ледяной…
Воспоминаньем станет лето
Под этой снежной пеленой.

РАССВЕТ

Спокойно и неумолимо
Идёт на землю час рассвета,

И всё отчётливей и зримей
Обозначаются предметы:
И полка книг, и стол с посудой,
Свечей витых ночное чудо,
Ещё далёк восход светила,
Неясной дымкой всё одето,
Ещё припомнится, что было.
Идёт на Землю час рассвета.

***

Полудождь, полуснег с листопадом
Опустился над Волгоградом,
И белёсый туман наступает,
Очертания зданий скрывая.
Следы первого снегопада
Чуть заметны на влажной земле,
Опустели аллеи горсада,
И всё ближе природа к зиме.

ВЫШИВКА

Спокойна белая канва,
Она лежит, ещё не зная:
Взойдёт на ней ковёр-трава,
Ромашки встанут, расцветая.

И как видение, как тайна,
В светло-оливковых тонах
Предстанет храм необычайный,
А рядом озеро в волнах.

Или два греческих сосуда
Обвиты рамкою-меандром,
На них аттическое чудо –
Кентавр или порыв менады.

Вот на скалу здесь опустился
Крылатый дивный конь Пегас,
За ним закат, как медь, спустился
И солнца луч почти погас.

Берёзы русские возникнут
С их белоснежными стволами.
Взгляд вышивальщицы приникнет
К узору древнему крестами.

Игла с любовью их выводит,
Летит стежков цветистых стая,
Дела, заботы прочь уходят,
И мастерица вышивает…

ОТТЕНКИ СНЕГОПАДА

Нисходит влажный снегопад,
И хлопья снега как цветы
На землю всё летят, летят
С молочно-белой высоты.

А через миг в движеньи срыв,
Снежинок лёгкий рой растаял,
И ветра тёплого порыв
Их в мелкий дождик разбивает.

Но средь дождя снежок летит
В завесе бисерной мелькая,
В стремительном своём пути
Растаять он не успевает.

Под вечер вновь снежинок сонмы
В остывшем воздухе летели.
И погружая садик в сон,
И вишню, что не облетела.

И те зелёные кусты,
Что пожелтеть и не успели.
Снег сыплет, сыплет с высоты,
Пророчит снежные метели.

ПАМЯТИ ГЕЛИ

Мне не с кем вспомнить нашу школу,
Друзей, подружек круг весёлый,
Средь нас – учительницу нашу,
Кто мне сейчас о ней расскажет?

Четыре девочки на снимке,
В глазах лукавые смешинки,
А двух из них в живых уж нет.
Промчалось много долгих лет.

Прости меня, подруга Геля,

Что поздно свиделись с тобой,
Но всё же свидеться успели…
Тебя запомню я живой.

С тобой по Угличу гуляли
И наше детство вспоминали.
Вот деревянный дом над Волгой,
Ты здесь жила когда-то долго.
Уже жильцами был оставлен,
Его снесли совсем недавно.

Вот школа. Окна в ней забиты,
Её купила знаменитость,
Одна московская певица…
Но детство хочет повториться.

Вот пятый класс. Мы на картошке.
День ясный. Осень. Небо сине.
В лесок протоптана дорожка,
Там разноцветные осины.

Вот праздник ёлки, дружно пляшем,
И веселимся, и поём
На Нариманова на нашей,
И мы опять с тобой вдвоём.

Полянка, двор, где мы гуляли,
В лапту и штандер мы играли…
Дружили крепко мы с тобой,
Не помню ссоры ни одной.

Прости меня, подруга Геля,
Что поздно свиделись с тобой,
Но всё же свидеться успели.
В моей душе ты будь живой.

***

Через полвека, и как это странно,
Опять я на улице Нариманова.
Тяжёлые гроздья рябины,
И дом деревянный, старинный.

Сейчас здесь живут Огоньковы.
Войду. Я в гостях. Я не дома.
Зачем же здесь, в комнате тесной
От светлой печали заходится сердце?

Окно в палисадник выходит.
Дорожка ведёт к огороду.
А дальше огромные липы,
И та же в заборе калитка.

И будет прощание долгим.
Потом по тропинке – и к Волге,
Взглянуть на знакомые воды,
На баржи и теплоходы.

Осталась частичка души
Здесь, в угличской милой глуши.

ЗЕЛЕНЫЙ СПЕКТР

Листва густо-зелёной сливы
За ней – шиповник чуть светлей,
Тёмно-зелёные массивы
Пирамидальных тополей.

Побег подсвечен виноградный
Светло-зелёный изумруд,
Бушуют зелени каскады,
И всё растут, растут, растут…

Сияет цвет растений юных
Везде, повсюду он царит,
Горит зелёный спектр в июне,
Ковёр травы как хризолит.

И всё фисташково-салатно,
Оттенки зелени сплелись,
И ярко-солнечные пятна
По саду бродят сверху вниз.

Шумит разлив, куда ни глянешь,
Разлив, зелёный до поры,
Как в малахитовом наряде
Хозяйка Медной той горы.

***

Пушистые белые розы,
Как искры, снежинки горят,
Суровой рукою мороза
Украшены дни февраля.

Всё тихо. Лишь скрип суховатый,
Над крышами шлейфы дымов,
Кисейною лёгкою ватой
Легло покрывало снегов.

Холодные лунные ночи,
Небесный таинственный свет,
И что мне февраль напророчит,
Ответа и отзвука нет.

Из цикла «Страна Восходящего Солнца»

Забылись тревоги, волненья, метанья,
И снова, задумаюсь только едва
Плывут из глубин отдалённых сознанья
Японские сказочные острова.

Там розовым шёлком азалий цветущих
Украшены улицы городов,
Сиреневых ирисов стройные кущи
И много других, неизвестных цветов.

Тропическим солнцем природа прогрета,
И бархат ночи, и звёзды близки,
Средь влажно-тягучего, жаркого лета
Волна бирюзова, златые пески.

И в зелени прячутся древние храмы,
Их контуры ясны, изящны, легки,
Вдали горизонт, обрамлённый горами,
Что кажутся близки, но так далеки.

А горы осенние? Алые клёны,
Цветастые карпы в той горной реке,
И Фудзи в величье своём вознесённом,
На фоне её – синкансен вдалеке…

Изогнуты сосны причудливой вязью,
Хрустальны озёра, в них лотос цветёт.
И неужели всё то было явью
И через годы мне спать не даёт?

***

Проникновенье в жизнь чужую
Я вспоминаю, а зачем?
Ах, до сих пор меня волнуют
Переплетенья хризантем,

Осенний бисер алых клёнов,
Шум водопада на реке
И горных кряжей вознесённых
Вершины в сизом далеке.

И блики жёлтых горных лилий
Среди травы как жар горят,
Как будто бы они раскрыли
Свой лучший праздничный наряд.

И вязь изогнутых деревьев,
Как на картинах Хокусая.
Луна с восходом словно медлит,
Плывёт багрово-золотая.

И ночи жаркое дыханье,
Её тропический зенит.
Всё оживят воспоминанья
И всё мне память сохранит.

УТРО

Подкрался ночью тихий дождик
Без грома, молнии и ветра,
На сад пролился осторожно,
Блестят умытые им ветки.
И потянулись ввысь растенья,
Трава, деревья и кусты,
Сочны и гибки их сплетенья
И в каплях влажные листы.

Цветёт шиповник у забора,
Он бел, и палев, тёмно-розов,
Вот синий зонтик водосбора,
Раскрылись ярко-алым розы.

Эшшольций жёлтый цвет бездонен,
И белоснежным стал жасмин,
Настурций узкие бутоны

Вот-вот и выбросят кармин.
И всюду жизнь: шмели и пчёлы
В цветочных зарослях гудят,
И ароматом маттиолы
Нас одарит вечерний сад.

***

Тонкий серп молодого месяца
И Медведицы чёткий ковш,
Ровным светом планеты светятся
В звёздной пыли всё небо сплошь.
Фонари рукотворными лунами
Убегают по улице вдаль.
Видно, свыше всё так задумано,
Этой ночи краса и печаль.
Но, не зная тревог одиночества
Всё неистовей, всё сильней,
Как влюблённый юнец в дни отрочества
Неумолчно поёт соловей.

НОЧЬ. ФЕВРАЛЬ.

Горят ночные фонари
В аллее. Свет голубоватый
Холодным заревом разлит
В переплетеньях суковатых.
А поле всё белым-бело,
Лёг снег, нетронутый и чистый,
И все тропинки замело
Снежинок кружевом пушистым
Нет никого. И тишь вокруг,
И только редкий снег летает.
Луны огромный светлый круг
Пространства эти озаряет.
Рассвет. И ночи мрак рассеян.
И фонарей огни слабей
И бледно небо розовеет
В переплетеньях тополей.

***

Синева. Огни рекламы
На троллейбусном стекле.
И проспекта панорама
Приближается ко мне.
Рассветает. В небе проблеск,
Света полосы вдали.

На восток, где Солнца отблеск,
Повернулся край Земли.
Изумруд травы декабрьской,
Очень сыро и тепло,
И задумчивою сказкой
Утро раннее легло.
Не везде листва опала,
Жёлтой краски островки.
Серых туч шатром туманным
Мягко город весь накрыт.

«Слышу божественный звук
умолкнувшей эллинской речи,
Старца великого тень
чую смущённой душой».
А.С. Пушкин.

Как жаль, что не знаю я эллинской речи,
Той самой, в Элладе, далёко – далече.
На ней и Гомера уже не познаю,
А лишь в переводах его я читаю.
Не зря говорил пушкинист знаменитый,
Которому тайны Гомера открыты.
Язык древнегреческий – облик мечты
Звучащие струны такой красоты,
Что сердце невольно ускорит биенье,
Захочешь воскликнуть: «Прекрасно мгновенье!»
Как жаль, не увижу Афин и Пирея,
Акрополя холм, Парфенон, Эрехтейнон.
Коринф и Халкидика и Фермопилы,-
Всё то, что античной исполнено силы,
В оливковый сад я шаги не направлю
И не увижу театр в Эпидавре…
И не замечу в толпе этой южной
Черты моих пращуров. Это не нужно.
О встрече с тобою мне грезить не надо,
Останься мечтою, праматерь Эллада.

ОТЪЕЗД

Закат, сначала золотой,
Потом малинового цвета
Разлит над Волгою – рекой
В финале гаснущего лета.

Сидим с отцом мы у межи

Под липой в дальнем огороде.
А в небе мечутся стрижи,
И музыка на теплоходе.

И мне отец тогда сказал:
«Отсюда мы должны уехать
На Невско-Ладожский канал,
А здесь совсем работы нет мне».

Уехать? Как? А эта высь?
Наш дом и сад? Подруги, школа?
И горько слёзы полились
От мыслей этих невесёлых.

Я плохо помню сборы те,
Волненье, смутную тревогу,
Всех нас в заботах, суете,
И эту дальнюю дорогу.

Вот поезд мчится сквозь леса,
В окне берёзок строй несётся,
Чуть голубеют небеса.
…А Углич в детстве остаётся.

***

Уж многих нет, друзей, знакомых,
Какой-то человекопад,
Наверно, скоро не упомнишь
Прощаний этих и утрат.
Но в облаках воспоминаний
Я вижу лица их, глаза,
Их облик, поздний или ранний,
Они виденьями скользят.

***

Приходит муза по ночам,
Напоминает снова, снова,
Что есть отрадная печаль,
Картины яркие былого.

И я хочу до мелочей
Запечатлеть её явленье.
Струится памяти ручей,
В душе поёт стихотворенье.

Да, есть отрадная печаль –

Звучит, как эхо, снова, снова.
Приходит Муза по ночам,
Как свет из глубины былого.

***

В углу таинственная ёлка,
Гирлянды, шарики сверкают
В её ветвях, густых и колких,
Переливаясь и мерцая.

На узкой маленькой кровати
Я сплю – не сплю, а так…мечтаю.
В невиданно роскошном платье
На праздник словно собираюсь.

Явлюсь, как Золушка в карете,
О сколько взглядов восхищенных!
«Вы всех прекраснее на свете»-
Мне скажет юный принц смущенный.

Ель, как в «Щелкунчике», огромна,
Хоть путешествуй средь ветвей,
И дом родной, уютный, скромный
Дворцов заоблачных милей.

Спустился ночи чёрный бархат,
Льют звёзды – блёстки лёгкий свет.
Весь мир торжественно распахнут.
А мне лишь только восемь лет.

***

Рос олеандр в цветочной кадке,
Как бабушка его любила.
Любовно маленькой лопаткой
Его тихонечко рыхлила.

Он на заботу отзывался
Давал душистые соцветья,
Так и в душе моей остался
Воспоминаньем ярким детства.

И вот прошли десятилетья.
В стране тропического лета
Я вдруг увидела аллею,
Всю тёмно-розового цвета.

И лист, а запах горько-сладкий
Воспоминанья воскресили.
Об олеандре в жёлтой кадке
В срединном городке России.

ПАВЛОВ ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ

Содержание

К 70-летию блокады Ленинграда

8-е сентября для Ленинграда –
Черный день.
Враг разбомбил почти все
Продовольственные склады,
И «перерезал» все «железные» пути.
К «Большой Земле» из Ленинграда
Ни проехать, ни пройти.
Фашисты подошли к предместьям Ленинграда,
Так началась многодневная осада…
Уж много месяцев подряд
В блокаде Ленинград.
Съели кошек, собак и птиц.
Фанерой забитые окна,
На улицах темно, повсюду светомаскировка,
От бомб и снарядов руины стоят,
Вмерзшие в снег трупы лежат.
«Городом мертвых» - зовет фашист Ленинград.
Нет тепла, нет воды и почти нет еды.
Наш хлебный суточный паек
Ладонь и ту не закрывает.
И коль от голода кто слег,
Теперь уж точно умирает.
Напоминает надпись на стене:
«При арт. обстреле, - эта сторона опасна!»
Обстрел, обстрел, который раз за день
Грохочет в голове давящим гулом.
От наших довоенных лиц
Остались лишь глаза, да скулы.
Походка ватная, движенья скупы.
«Хоть что-нибудь поесть», -
Бормочут наши губы.
Уж много месяцев подряд
В блокаде Ленинград.
«Стафайтесь, иль умрите!», -

В бессильной злобе злится враг.
Но люди трудятся в цехах
Для фронта, для Победы,
Чтобы приблизить час расплаты,
И окончательно сломать
Фашистские тиски блокады:
Завод, что трактора для пашни создавал,
«Клим Ворошилов» танки выпускал,
И ремонтировал «тридцатьчетверки».
Завод «Калинина» снаряды для «Катюши» отправлял,
А фабрика для макарон, - пороховые все заряды.
Безропотно не ждали мы голодного конца
Уж в декабре «дорога жизни»
Через Ладогу легла.
Больных, детей и стариков в эвакуацию везли,
Обратно – муку для хлеба, топливо.
Боеприпасы понемногу доставляли.
Весной 42-го весь город чистили и обновляли,
Боялись эпидемий всяких разных.
В начале 43-го блокады часть прорвали.
Через сырые топкие Синявински болота
Сумели проложить железную дорогу,
И норма хлеба уж заметно возросла.
Прибавка эта нашей маме жизнь спасла.
Потом январь 44-го:
«Блокадные тиски» совсем «сломали».
Все было: голод, дистрофия.
Физически нам было тяжело.
За всю блокаду почти, что половина ленинградцев
Из жизни поушло.
Но, даже если б знали в том далеком сентябре,
Какой нас ожидает мученический ад,
То все равно, не сдали б Ленинград!

ПОСЛЕДНИЙ ШАГ БЛОКАДНИКА

Идет блокадный человек,
И хоть, сравнительно, он молодой,
Но будто прожил целый век,
И еле движется заснеженной тропой.
Вот сил совсем уж больше нет,
Присел на невский парапет.
Прохожие подходят, тормошат:
«Вставай, иди. Не поддавайся недугу лихому!»
Открыл глаза. Поднялся.
Прошел еще чуть-чуть. Упал.

От голода уж нету сил привстать.
По серо-белому бесцветному лицу
Безмолвно слезы вниз текут.
Угасла жизнь совсем.
Наутро, если подберут,
На сборный пункт
Для похорон доставят.
А если вмерзнет в снег,
То до весны оставят.
Проходят мимо люди.
Холодный, резкий ветер.
Дистрофик-ленинградец
Уснул совсем - навеки.

ДОСТОИН «ВОИНСКОЙ СЛАВЫ» ГОРОД КАЛАЧ-НА-ДОНУ

Год 1942-й.
Июля день семнадцатый.
Бойцы из армии 64-й и 62-й
С фашистской армией 6-й
На реках Чир, Цимла
Вступили в жаркий бой.
Но у врага большое превосходство:
У немцев много танков и пехоты,
Да в воздухе огромное господство.
Они нацелились форсированным маршем
До Сталинграда через калачевский мост дойти.
Советские солдаты, неся огромные потери,
Пытаются сдержать фашистов наступленье.
От рубежа и к рубежу дней 25.
Отстреливаются, бьются в исступлении,
Но вынуждены к Дону отойти.
У Калача мост важный, стратегический.
На много верст вокруг нет
Ближе переправы мостовой.
Железная дорога тут и меньше сотни
До Сталинграда степью путь прямой.
20-я мотострелковая бригада,
Ильин - полковник, командир.
Здесь подвиги свои вершили
Почти что с августа 10-го числа.
Основа обороны – окопы в полный профиль.
Три батальона, уменьшенных потерями,
Имеют каждый лишь «сорокопятку»
Против танков, да 2 иль 3 по ПТР ружья.
Для усиления обороны еще

Дивизион артиллерийский,
Да минометный батальон.
В лесу у Калача маскировались
И из него врагу довольно метко доставалось.
Сержант Блохин и отделение саперов
Сумели мост взорвать и этим помогли бригаде-
Фашистов наступление задержать.
16 танков, столько же машин.
Да техники другой «намолотили»,
Немерено фашистов положили.
Два самолета вражеские сбили.
Чужие самолеты весь светлый день
Позиции советские бомбят.
Для устрашения сиренами визжат.
А «мессеры», снижаясь, солдатам нашим
Еще и кулаком грозят.
Бойцов советских укрепляет
Лишь сила духа Родины своей,
Да двести двадцать семь приказ.
Два раза немцы было занимали
Пол Калача, но воины советские
Их дважды выбивали.
Восстановили мост фашисты,
Но мы опять его взорвали.
Соседи справа, слева отошли,
Не выдержав немецкого удара.
Но здесь, у Калача бойцы держались.
Лишь в ночь сентябрьскую
Первого числа и по приказу сверху
Оставили позиции свои.
В других местах у немцев был успех,
Но здесь, у Калача бойцы советские
Упорно до последнего дрались,
Сражались в полуокруженьи.
И немцы отказались терять солдат
И технику свою, пока мы сами
По приказу, оставили позиции свои.
В живых осталась горсточка бойцов -
Из тыщи-полторы чуть меньше сотни
Живыми вышли к Сталинграду.
Живые и погибшие бойцы
На двадцать дней создали для врага
У Калача почти неодолимую преграду.
Два с лишним месяца прошло
Геройски дрался Сталинград.

Чуть позже середины ноября
«Катюши» на фронтах «взыграли».
Рванулись танки. Артиллерия стреляла.
Снаряды, пули, яростное пламя.
Прорвали фронт недалеко от Клетской.
Развили наступленье на Калач.
Передовой отряд Филиппова - танкисты
И мотопехотинцы вместе с ним,
На третий день прорвались прямо к Дону,
Где мост целехонький у Калача стоит.
Здесь плавно холм спускается к реке
И островок из Дона выпирает.
Ночь в ноябре темна. Филиппов выбирает:
«Тихонько подойти, или нахально так переть,
Как будто бы на фронт спешит
Фашистская подлюга?» Решил!
Зажгли все фары и рванули.
Охрана думала: «Свои!»,
Когда из автоматов вдруг забили
По ним горячие свинцовые струи.
И начался неравный бой.
Потери с нашей стороны большие.
«Держать, держать, держать нам мост!
Подмога, где ты? Поддержите!»
Вдруг рев моторов все сильней,
Танкисты Филиппенко на подмогу
Скатилися с холмов на мост.
Теперь уж точно закрепим Победу!
А завтра ты свободен, будь Калач!
С рассветом танки устремились город брать.
Экипажи Иванова, Давидьяна
В Калач с окраины уж было ворвались.
Но враг поставил против танков мины.
Сработали они. Мишень хорошая –
Танк неподвижный. Но есть боезапас.
И воины громили врага из танков
До последнего снаряда.
Звучит Гурееву по радио приказ:
«Автоколонна немцев удирает.
Не дать уйти из Калача!»
В танке своем он колонну нагнал.
Гриша таранил, давил и стрелял.
Немного осталось фашистов в живых.
Сумели фашисты танк Гриши подбить.
Геройскою смертью пал весь экипаж.

Бои уже на улицах идут. Фашисты отступают.
В 14.00 свободен стал Калач.
За Калачом заснеженная степь.
Вот вдалеке чернеют чьи-то силы.
Свои или чужие?
Взлетели вверх сигнальные ракеты. Свои!
Бегут в заснеженной степи мотострелки
Навстречу танкам и солдатам нашим.
Кричат, целуются. Ушанки вверх бросают. Ура!
Так, возле хутора «Советский» огромное кольцо
Замкнулось окруженья. Свершилась операция «Уран!»
В ноябрьскую ночь врага врасплох застали
Мост захватили и держали,
Потом Калач освобождали
Филиппов, Филиппенко, Родин их комбриг.
За подвиги в боях среди огня и стали
За город наш Калач
Героями Советского Союза стали.

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?

Что в имени тебе моем?
С достоинством мы носим
Фамилию и отчество отца.
А где ж упоминание о ней?
Что много месяцев подряд
Под сердцем нас носила?
Волнуясь, радуясь, тревожась
И в муках родила?
Поила и кормила.
Все силы нам и нежность отдала?
Упоминания о ней нет
В нашем имени.
Мать незаслуженно забыта!
Лишь иногда в честь матери
(иль бабушки, суть та же – мама, только старше) мы назовем
Дочурку именем твоим.
Ученые мужи! Восстановите справедливость!
Прибавьте к имени детей
Не только имя и фамилию отца,
Но имя матери впишите
В память человечью,
А не в казенный документ,
Что «метрикой» зовется на Руси!
Чтоб было ясно, кто растит,

Воспитывает нас
И до последних дней своих
Детьми по-прежнему считает.

***

«Ангелов» увидеть, не хотите ли?
Поверните голову вокруг:
Люд простой иль руководитель –
Многие в квартирах ведь живут.
Лестницы в домах песком забиты.
Обувь пред парадной не встряхнут.
Не ходят, а как ангелы «летают»,
На лестницах следов не оставляют,
Ступеньки никогда не подметут.
Ну, а мы, греховные такие,
Иногда, увязнувши в песке,
Метелкою ступенечки почистив,
Чистой лестницей порадуем мы всех.
Радуюсь я, иногда печалюсь,
Увидав соседей налегке.
Рядом с «ангелами» я вращаюсь.
Чистый рай мне снится вдалеке.

ПАЛКИН БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

Содержание

1971 - 2011

ОЛЬГЕ

Мы с тобой прожили 40 лет,
Страсти угасают, любовь нет.
Лишь одной тебе сказал «люблю»,
Картину первой встречи в душе ношу.
Ты моя любимая – это так,
Я очень счастливый, это факт!

***

Я хожу как по кругу
А в глазах бирюза.
Вспомнил юность, подругу,
Голубые глаза.

Взгляд ее на открытке
Не забыть никогда.
Мне так хочется верить,
Ты еще молода.
Мы пришли к тебе с другом,
Не подумал тогда
Что влюбилась подруга

Первый раз навсегда.
Очень было мне больно,
Но желал ей добра.
Все случилось банально,
Я ушел навсегда.

Долго шел я по жизни,
Пролетели года.
Но оставила память
Голубые глаза.

ПОГОРЕЛОВА ТАМАРА ПРОКОПЬЕВНА

Содержание

КРАЙ, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Да, Слава Богу, побывать и пожить мне пришлось за свою жизнь в разных местах. Родилась я в Западной Сибири, где первыми цветами весной из-под снега появлялись бутоны подснежников, со сладким, чудесным ароматом. Эти невысокие, нежные цветы, что называется, с головы до пят, были покрыты какой-то бархатистостью, и лепестки, и весь цветок были какими-то мохнатенькими, словно боялись, что вот-вот вернуться морозы и снимать теплую одежду еще рановато. И росли они поближе к деревьям, будто ища у них защиты. В моей памяти они так и сохранились, как олицетворение сибирской природы, сибирской весны.

После учёбы я по распределению попала работать в город Красноярск. Там и познакомилась с друзьями, которые устроили мне экскурсию в заповедник.

Красноярский край – очень красивый. Особенно красочны места в заповеднике «Столбы». Это уникальное место, хранящее секреты древних преобразований нашей матушки Земли. В тайге находились, будто бы разбросанные какими-то великанами такие валуны, что залезть на них под силу было только опытным скалолазам. Названия этих каменных глыб были под стать их внешнему виду. «Перья», например, представляли собой несколько громадных каменных перьев, расположенных так близко друг к другу, что спускаться по некоторым щелям было очень опасно, не смотря на опыт ребят, специально натренированных для скалолазания. Каменная громада под названием «Дед» имела четко выраженный силуэт профиля головы деда, будто из сказки А.С.Пушкина «Руслан и Людмила» в эпизоде «Бой Руслана с головой».

Был в этом заповеднике необычный зверинец, состоящий из диких зверей, попавших в капканы, подраненных кем-то и спасенных хозяевами лесного зоопарка. Рассказывали, что некоторые звери сами приходили туда, таща за собой капканы, и давались в руки людям, ища у них защиты и спасения. В клетках и вольерах находились разные птицы и звери, совы и сапсаны, волки и лисы, рыси и др. Был там большой, но уже старенький бурый медведь, который за банку сгущенки лихо притоптывал на задних лапах, изображая танец. Уж очень он любил, когда его угощали сгущенным молоком.

Но больше всего в этом прекрасном лесу меня поразили цветы, именуемые жарки. Нежного желто-оранжевого цвета розочки распускали тонкий аромат сибирских таёжных цветов. Цветы эти занесены в Красную книгу, и с собой мы их не брали, а тем, кто пытался привезти домой букетик, следовало изрядно поволноваться, пряча цветы в транспорте.

Однажды мне представилась возможность поехать в Крым по путевке с пешеходным маршрутом. Эта поездка была сказочной. Я побывала в Бахчисарае, где в ханском дворце, превращенном в музей, увидела фонтан слёз, о котором А.С.Пушкин написал своё произведение «Бахчисарайский фонтан». Пешком мы взбирались на гору под названием Ай-Петри, облака окутывали её вершину, и мы будто бы окунались в молоко. Проходя по маршруту, мы опускались на дно Большого Каньона, где на невообразимой глубине могли дотронуться руками до противоположных каменных стен ущелья. Мы бродили в пещерах древнего города Чуфут-Кале; посетили дворец-музей в Алупке; сфотографировались на так называемой «лестнице Гамлета» в Успенском скиту, где снимался фильм «Гамлет»; прикоснулись к священным памятникам города-героя Севастополя и в завершение несколько дней прожили в Ялте.
В одном из переходов мы остановились в местечке «Орлиный залёт», где нас попросили помочь убрать лепестки роз. Для нас, приехавших из Сибири, эта работа была очень необычной. Вооружившись большими мешками, которые были оборудованы специальной подвязкой, мы, держа мешки перед собой, шли по плантации из кустов роз и самым коварным образом обрывали головки этих чудесных распустившихся бутонов, опуская их в мешок. Красота кругом была неописуемая, куда ни кинешь взор, кругом распустившиеся розы. Розовый аромат окутывал нас. С тех пор аромат розового масла я узнаю сразу же, из множества других ароматов.

По воле судьбы в конце восьмидесятых годов я оказалась на Дону. Здесь тюльпаны покорили меня своей пышностью и красотой, я говорю о садовых сортах, но впервые я увидела их в степи. Соседская девочка Света, она была чуть старше моих детей, позвала нас за тюльпанами. Мы вышли в степь и, радуясь майскому теплу, шли по первой траве, счастливые от этого неожиданного путешествия. И вдруг среди пустого места на зеленом поле я увидела тюльпаны. Красные, с островерхими лепестками чашечки на тонких ножках, весело и празднично украшали поле. Света, как хозяйка нашей прогулки, устремлялась вперед и первая срывала цветы, а мы шли за ней и просто радовались тому, что видели.

Теперь у меня на даче кроме других разнообразных цветов, много тюльпанов, но я редко рву их для себя, ведь любоваться ими можно и на корню. Мне радостно, что цветы любят в моей семье, любят мои друзья и соседи, и все мы стараемся после зимы поскорее увидеть этот распустившийся алый бутон. Как же не посвятить этому прекрасному цветку стихотворные строчки, представленные в виде заповеди от деда внуку.

ТЮЛЬПАН – СИМВОЛ ЛЮБВИ

Дороги, степи и поля,
Вся калачевская земля,
Однажды стала мне родной,
Ну, а когда родился внук,

Здесь кровью прикипел и я,
Без всяких правил и наук.
Урал, Сибирь, наш тихий Дон
И подмосковные леса,
Седой Кавказ и южный Крым,
Иль Север, скромная краса,
Но где ни побывал бы я,
На красноярских ли «Столбах»,
Везде свои растут цветы,
Как поцелуи на губах.
Оранжевые – то жарки,
А бело-голубой - подснежник,
Плантации из ярких роз,
В Крыму растут на побережье,
А на Дону цветет тюльпан,
Красивый самый – ярко-красный.
Внучок, смотри, цветов не рань,
Не рви в букеты понапрасну.
Пускай цветут на радость людям,
И алым цветом в небе синем
Тюльпан – любви пусть символ будет
Донских степей и всей России!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОГЕ

Я пишу эти строки в светлый праздник Пасхи. Каждый из нас мысленно обращался к своей Душе, размышлял о смысле жизни, о своём назначении на земле. Почему вместе с весной на землю приходит обновление, ведь каждое время года приносит своё новое в природе, но весна - это пробуждение. Вот ещё вчера я думала, что некоторые растения погибли в моём саду. Нынче как никогда очень долго всё просыпалось. С сомнением я глядела на полянку с ландышами, ведь рядом розы почернели и вымерзли, хотя они были укрыты на зиму, но нет, всё же показались остренькие всходы этих ароматных и красивых цветов и на душе от этого потеплело.

Спасибо тебе, Властительница наша, Матушка-Природа, ты не оставила нас своею Милостью. Солнышко опять весело гуляет по небу, теплый ветерок подгоняет белоснежные облака и фиалки раскрыли свои глазки. Нынче я все же сорвала один синенький цветочек и долго вдыхала его нежный тонкий аромат. Он напомнил мне детство, когда в доме иногда появлялись пузырьки духов под названием «Фиалка», запах был точно такой же, как у этого маленького цветка. Удивительно.

Слава тебе Господи, ты наградил нас жизнью, ты одарил нас водой и хлебом, ты позволил нам созерцать окружающий мир снова и снова, не понимая сущности Сотворения Мира, но радуясь, что мы его частица.

Христос Воскрес! Христос Воскресе! Святое таинство свершилось!
Воистину Христос Воскресе! На землю чудо опустилось.

Наступит Рождество зимою, а нынче, теплым вешним днем,
Когда природа оживает, хвалу мы Господу поём.
Христос Воскресе! Земля, небо, соединились в чудный сад,
И кто в саду цветущем не был, наверно, сам в том виноват.
Открой души своей затворы, взгляни вокруг: и тут, и там,
Куда ни кинешь взором скоро, увидишь воскрешенье сам.
Воскресла из земли травинка, воскресли почки на вербах,
А в них спешат уже листочки увидеть свет, услышать птах.
Святую тайну воскрешенья нам не познать, чарует душу
Всевышний и его творенье, никто закон сей не порушит.
Взлелеем жизнь, как травинку, укроем, сбережем до срока,
Чтобы другую заменила, как светлый день, придя с востока,
Сменяет день уже прошедший, сменяет год. В другое время,
Пусть нас не будет, в прах ушедших, Христос Воскрес! А с ним и племя.
Вновь зацветут земля и верба, жизнь обретет таинства смысл,
Воистину Христос Воскресе! Вновь раздаваться будет к выси!

***

Жизнь продолжается, а вопросы остаются. Иногда, размышляя, я сама пытаюсь дать на них ответ:

СЛАВА БОГУ

Кто это придумал – на Земле родиться?
Кто это придумал – надо всем жениться?
Кто это придумал – чтоб рождались дети?
Кто это придумал – утром солнце светит?
Кто нам все придумал, кто во всем помог?
Наш Творец, Создатель, одним словом - Бог.
Бог вложил в нас души, преподнес нам семя,
Чтоб всегда рождалось молодое племя,
Чтоб росла пшеница, было много хлеба,
Чтоб текла водица всюду, где бы ни был,
Чтоб могли трудиться и любить, и жить…
Так кого за это нам благодарить?

ПОНАМАРЕВА ИРИНА

БЕРЕГИТЕ МАТЕРЕЙ

Целуйте каждую слезинку
Из материнских павших глаз.
Не дайте им упасть в пылинки
Прошедших дней, забытых фраз.

Не дайте ей уйти в молчании
И затеряться в тишине.
И не губить в немом отчаянии
Себя на высохшей земле.
Не дайте жизнь плохим эмоциям
И не сорви ее на крик.
Пытайтесь с ней прийти к пропорциям.
Тебе и мне понятный миг.
Храните мать как ветвь хрустали
Ее душа ведь столь хрупка,
А коль слеза то не к печали
Лишь к счастью. Кончилась строка.

ДВЕ БРИГАНТИНЫ

Нет побежденных в этой войне,
Нет проигравших.
И по морю бежит волна
Волею павших.
Скорби на лицах нет исчисленья
Нет ей и меры.
Мало осталось от того,
Что названо верой.
Но так случилось, время пролито.
Время упало.
И вся надежда на исцеленье
Будто пропала.
Раны земные, раны на сердце,
Боли и страхи –
Всё исчезает, медленно тает.
Стали и бляхи…
По небу тучи, черные тучи
Грозно нависли,
Всё, надвигаясь, словно вживаясь
В хмурые мысли.
В этой картине, страшной картине,
Ветром гонимы
Плыли по морю, бурному морю
Две бригантины.

***

Ты! Рожденный лишь ползать,
Сможешь ли ты летать?
Ввысь поднимаясь над небом
Руку судьбе подать.

Сможешь ли ты, возвышаясь,
Глядя на жизни дно,
Рядом с людьми оставаясь,
С ними быть заодно.

Сможешь ли ты как прежде
Времени наперекор,
Чуждой и злой надежде
Остаться самим собой.

Сколь ни гадай, не ведай,
Знать тебе не дано,
Пропастью иль победой
Время предрешено.

ПОНОМАРЕВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

Содержание

НАЧАЛАСЬ ЗИМА

Началась зима с метели белой,
Снегом чистым замела дома.
Мой недолгий, что ж теперь поделать,
Что сходила от тебя с ума.
И сама себе я не отвечу,
Почему счастливою была,
Приняла за сказку нашу встречу,
Осень за весну я приняла.
Пусто, одиноко в роще стылой,
Наших не найти уже следов.
Не скажу, что я тебя забыла,
Просто сказки не воротишь вновь…

НЕ ВОЗВРАЩАЙ МЕНЯ

Случайной нашей встрече рада,
Но может ты о ней и знал.
Не возвращай меня, не надо,
Давно закончился наш бал.
Давно погасли наши свечи,
И праздничный эскорт умчал,
И твои ласковые встречи
Мне навевают лишь печаль.
Могли бы мы вернуть былое,
И праздник заново начать,

Но вальс с надеждой и любовью
Нам, милый, вновь не станцевать…

ЧТО ЗАГАДАЛИ, ПУСТЬ ИСПОЛНИТСЯ!

Старый год уходит и прощается,
Добротой, коснувшись всех сердец.
И на землю звезды опускаются,
Город, превращая во дворец.
Серебром все елочки украшены,
И в сиянье радужном дома,
Волшебством из сказок детства нашего
Вновь чарует белая зима.
Пусть надеждой все сердца наполнятся,
Пусть нам с счастьем будет по пути,
И, что загадали, пусть исполнится,
Новый год не зря спешит прийти!

Содержание

САУТКИНА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА

ОСЕННЯЯ БЛАГОДАТЬ

У природы нет плохой погоды –
Истина, известная давно,
Но сухой жарой иль хмарью долгой
Люди недовольны все равно.
А сегодня день как праздник божий:
Воздуха прозрачное стекло,
Лес, на яркий хоровод похожий,
Неба синь и нежное тепло.
Вся природа в легкой дреме дышит,
И кругом такая благодать!
Тихий шорох листопада слышен…
Хочется и плакать, и мечтать.
Вот такой порою понимаешь
Связь свою с природой вновь и вновь,
И в ее покое ощущаешь
Вечность мира, вечную любовь.

УЧИТЕЛЯМ

В небе среди серых туч
просинь,
Закружила листьев вальс
осень,
День Учителя пришел снова,
И в руках у вас журнал

новый.
К вам учащихся пришла
масса,
Зазвенели голоса
в классах.
На уроках будут вас слушать –
Постучитесь смело в их души.
И откроется тогда тайна…
Я завидую вам всем крайне.
Будьте счастливы трудом
светлым –
Не подернется костер пеплом.

НОСТАЛЬГИЯ

Среди растрепанной поляны,
Болотных кочек, лещуга,
Стоит березонька-белянка
И горделива, и строга.
А рядом ольхи молодые,
Свои сережки распустив,
Поют ей песни ветровые –
В них поздней осени мотив.
Я помню, как меж этих кочек
Траву косили косари,
А бабы в беленьких платочках
Ее копнили и гребли.
В траве зайчонка подкосили…
Сколь было горьких детских слез!?
Его мы скорбно хоронили
И крест воздвигли на погост.
Здесь воздух чист и Русью пахнет,
(Как легких полнятся мехи!)
Травой осенней, дикой мятой
И терпким запахом ольхи.
И пусть мои устали ноги,
Присесть, заставив на пути,
Здесь отступают все тревоги,
И легче, радостней идти.
Мы все о будущем мечтали.
К селу презренья не тая,
Рвались мы в голубые дали –
Вернулись на круги своя.

МОЯ КЕПИНКА

Вот я снова в родной деревне,
Может, вижу в последний раз
Этот облик бесхитростный, древний:
Дом, плетень и простой перелаз.

Половина домов заколочена,
Я спешу всю деревню пройти,
Пройду улицу всю и обочины –
Никого, хоть шаром покати.

Принагнулись к земле, обветшали
Хаты, изгороди и катухи.
Лишь в отдельных дворах прокричали,
Разгоняя тоску, петухи.

Разбазарила жизнь, раскидала
Всех, кто строился, жил здесь, любил…
И моей судьбы тут начало,
Тот же ключ меня щедро поил.

Я теперь приезжаю не часто,
Чтоб поплакать у милых могил,
Чтобы с детством своим повстречаться,
Чтобы хутор меня не забыл.

Потому что люблю свою Кепинку,
И желала бы доли такой:
Чтобы холмиком став незаметным,
Обрести тут свой вечный покой.

Чтоб лежать в тишине благодатной,
Слушать трель соловья на заре.
Он споет, как бывало когда-то.
В той далекой девичьей поре.

СЕВОСТЬЯНОВ ЕГОР

Содержание

***

Видно Бог слегка напутал
При создании меня.
Может, пьян был в ту минуту
Или что-то типа дня.

Сверху судьбы назначая,
Чтоб нечистый не бодал,
Он не мудрствуя, не чая,
Ангела за мной послал.

Все бы ничего, однако,
(Я не шибко озорной)
Да вот ангел мой, собака -
Вечно тянет меня в бой.

Он не кроткий и не тихий.
Говорит – давай гульнем?
Ничего, ведь мы не психи -
Можем выпить и вдвоем!

Вобщем, Боже, что за шутки?
Заступись ты за меня!
Не дает мне ни минутки
Злая рыжая бестня.

Может там, на небоскате,
Средь заступников твоих,
Мне найдется "в адеквате"?
Коли дашь, возьму двоих.

***

Я ворую твои фото,
Взгляд не в силах оторвать.
Знаешь, есть, наверно, что-то,
Чтобы это продолжать.

Я ворую твои фото
И смотрю, не как иной:
Каждые пол оборота -
Ты вращаешь шар земной.

Я ворую твои фото -
Их так мало у меня!
Ты коварная гаррота,
Улыбаешься, казня.

Я ворую твои фото,
Комплименты бормоча.
Словно пойманная шпрота,
Имя лишь твое крича.

Гарро́та (исп. garrote, dar garrote — закручивание, затягивание; казнить) — испанское орудие казни через удушение. Первоначально гаррота представляла собой петлю с палкой, при помощи которой палач умертвлял жертву.

***

Когда меркнет Свет вокруг -
Страх заглатывает душу,
Прочерчу я мелом Круг,
Песней тишину нарушу.

Здесь Победа или Смерть -
Первые Слова Присяги.
Моих страхов круговерть,
Растопит Огонь Отваги.

В сердце зазвучит Призыв,
Полный храбрости и чести.
Воин ценен, пока жив,
И покуда с Песней вместе.

Не оставлю, что люблю,
Не предам, нарушив Слова.
Тьму в душе остановлю,
Меч в руках запляшет снова.

Стану Я Твоим мечом.
Совершенству нет предела.
Я за светлое плечом
Буду пробиваться смело.

Я отдам Всего себя,
Плоть и кровь не пожалея.
Может быть, паду - Любя -
До последнего из дней Я!

СКОРОХОДОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Содержание

ВЕЛОСИПЕД

Не знаю, что побудило меня взяться за перо и написать рассказ. Велосипед ли моего детства, который я увидел по телевизору, похожий в точности на мой, или что-то иное. Но поддавшись течению своих мыслей, я оказался далеко-далеко, за многие лета от настоящего времени. И оказавшись во дворе дома, где протекало, именно протекало моё детство, я увидел нашего почтальона дядю Сашу, его называли так все, взрослые и дети. Наверное, потому, что дядя Саша был инвалидом войны. Это был как знак уважения

к нему. Сейчас я точно не могу сказать, какой руки не было у дяди Саши, правой или левой. Войдя во двор в своей форменной одежде почтальона: тёмно-синие брюки, пиджак, рубашка и фуражка с кокардой, и перекинутой огромной сумкой через плечо, он крикнул: «Инна, Вам посылка». Я обратил внимание на нечто большое, завёрнутое в твёрдую бумагу и перевязанную жгутом с сургучной печатью. И запах, этот запах казённого составляющего моего детства и всех детей моего возраста и старше. Ведь это всё было. Как лозунг и многие другие лозунги подобного толка того времени. Что всё принадлежало государству, а значит и «народу».

Я не помню, где была моя бабаня в это время, так я называл мою любимую бабулю Ксению Петровну. Но то, что мой взор привлёк предмет, который принес почтальон и то, что осталось со мной на всю мою жизнь, помню почти до мельчайших подробностей. Это был велосипед, который мне прислал мой любимый дядя Толя, муж моей двоюродной сестры Светланы. Он у нас был гордостью, военным, воевал в Великой Отечественной войне, был ранен, награждён за боевые заслуги, а в мирное время стал военным комиссаром. Жили сначала в г. Самарканде, затем вместе с семьёй переехали в Казахстан, в г. Алга, затем в Батамшинск и по окончанию службы к себе на родину в г. Клин Московской области.

Мне немало стоило труда и терпения дождаться конца процедуры - это подписание квитанции и передача заветной посылки. Наконец-то, завершилась, подумал я, эта передача «верительных грамот», и я набросился разрывать и раздирать всё в клочья, лишь бы побыстрее добраться до заветной цели всех пацанов того времени, велосипеда. А мне этого очень хотелось, мы жили скромно, скорее бедно, на квартире. Снимали глинобитный домик, с глиняными полами, дырявым потолком и прочими удобствами во дворе, так мы и жили. Мой двоюродный брат дядя Юра, который был старше меня на тридцать лет, приходя к нам в гости со своей семьёй и своим выводком моих племянниц и племянников, всегда пытался напугать меня драконами и всякой нечестью, которые по его заверению могли проникать в дом, через эту дыру в потолке.

Так вот, почтальон дядя Саша не только дал разодрать мне в клочья бумагу и жгут, но и помог собрать велосипед, показав, как это он делает. Предварительно спросив у меня, какой я хочу иметь велосипед, двухколёсный или трёхколёсный. Конечно же, я браво ответил, что двухколёсный. Собрав мне велосипед о двух колёсах, дядя Саша стал наблюдать за мной, как я лихо стал приводить в негодность новую вещь своим «умелым» обращением и как на мне начали появляться ссадины и шишки. Дядя Саша быстро сообразил, что от слов благодарности в его адрес моей мамы, он может получить и слова укора. Он быстро переделал мой двухколёсный велосипед в трёхколёсный. Со словами, успокаивающими меня и моё мальчишеское достоинство, сказав: «Что мол его, велосипед, не трудно будет переделать обратно в двухколёсный». Тем самым он успокоил меня, и получил от мамы моей в знак благодарности на поллитру. Правда дядя Саша долго отказывался, но потому упорству, с которым мама моя предлагала деньги, на поллитра и словами, сопровождавшими эту передачу: «от чистого сердца, чтобы не обижал нас своим отказом и, что всё равно нужно обмыть новую вещь, чтобы долго служила». Дядя Саша не устоял. Мы - русские обмываем всех и всё, был бы повод. Увидев свой велосипед, новый, цвета молодой листвы, новое кожаное сидение с пружинами, педали, руль со

звонком, это было нечто, эмоции держали мой детский мозг в тисках. Это, наверное, был мой первый эмоциональный восторг, который запечатлелся в моём мозгу, ещё эмоционально пустом, таким ярким воспоминанием и запомнившимся мне на всю жизнь.

Я носился, что было мочи по всему двору, пугая живность, кур, собак, кошек, только и было слышно, что сын Инны Ивановны «учится» ездить, но самое главное у ребёнка был велосипед. Хочу отдать должное старшему поколению того времени, взрослым. Никто, из них не пытался урезонить меня, не ругал, не высказывал своего недовольства моей суматохой, не делал замечаний моей маме по поводу отсутствия воспитания её ребёнка, все терпеливо ждали, когда этот ребёнок сам осознает, наигравшись в ту меру, которая была заложена в нём самом, Что вскоре и произошло. Не прошло и недели. Нагонявшись вдоволь, я вернулся к прежним играм - «чапаевцам», «войнушкам», «казакам-разбойникам», Не все родители того времени, могли купить велосипеды своим детям, а ждать очереди на свой же велосипед, на котором катались все дети нашего квартала, мне надоело, и я его начал оставлять дома. Поэтому в большей степени я ездил на нём только в детский сад №27 Чаеразвесочной фабрики. Детский сад мой находился недалеко от нашего дома, дороги в то время были не асфальтированные, да и с трудом можно было это назвать дорогой. Летом по колено в пыли, а зимой по колено в грязи. Нам повезло, через некоторое время положили гальку. Приходилось ездить, как по стиральной доске, около километра, потом через трамвайную линию, через дорогу, по тротуару и вход, на аллею, ведущую к дому культуры чайфабрики. Я ехал впереди, а мама шла поодаль, за мной. Дом культуры чайфабрики, в своё время был прекрасным архитектурным зданием, постсталинской эпохи. В нём размещались кружки, как для взрослых, так и для детей - танцевальные, кружки кройки и шитья, авиамодельные, судомодельные, музыкальная школа и другие.

Перед выпуском из детского сада, мама меня определила в музыкальную школу по классу аккордеон. Мне очень сильно повезло, скорее педагогу в том, что я не стал учеником его класса, так как я ещё не умел писать. И он посоветовал моей маме, привести меня в музыкальную школу, когда я научусь писать, а пока, увы! К тому времени мы переехали на новую квартиру, которую получила моя мама от исполкома города. И мое музыкальное образование успешно и счастливо было забыто. А до этих событий, произошедших впоследствии, я летал на своём новеньком велосипеде и нёсся по аллее, объезжая дом культуры слева, если смотреть прямо на него по асфальтовой дорожке, между деревьями, казавшимися мне тогда большими. Маленький подъём вверх, к небольшим воротам детского сада с синей табличкой, «Детский сад № 27». Я до сих пор помню, что слева по этой аллее, невдалеке стояли маленькие домики, наверное ведомственные, от чайфабрики. В одном из них жил мальчик из моей группы по детскому саду, а в другом, рядом с забором детского сада, сторожиха тётя Миля. Забор детского сада был забором и её дома. У неё во дворе бегали две огромные восточно-европейские (немецкие) овчарки.

И вот, заехав на своём новом велосипеде по асфальтовой дорожке на территорию детского сада, я прямиком помчался, не жалея сил, к беседке своей группы. Чтобы все мальчишки из моей группы могли видеть, обладателем какого чуда я стал. Подъехав к беседке, я увидел у обступивших меня мальчишек загоревшиеся

глаза и каждый из них, наперебой просил меня дать прокатиться на моем новеньком велосипеде. Но их желаниям не суждено было сбыться. Воспитательница наша, Вера Михайловна, поздравила меня с приобретением и строго сказала: «Чтобы не дразнить детей, велосипед будет находиться на «штрафстоянке», в сарае у завхоза, пока мама твоя не придёт за тобой». Взяла ключ у завхоза, и я с поникшей головой и понурым взглядом поехал ставить свой новенький велосипед в кладовку завхоза. Вот так у меня появился мой первый велосипед. А вместе с ним и первый эмоциональный восторг, и чувство благодарности к моему горячо любимому зятю, мужу моей сестры - Анатолию Гавриловичу Кузьмину, который на протяжении всего моего детства, баловал меня - покупал коньки, брал на охоту, рыбалку, по грибы, дарил такие ценные вещи для мальчишки, как офицерский ремень, (который по сей день я храню у себя), фуражку с кокардой, а впоследствии даже хотел подарить свой офицерский кортик, который, к сожалению, был утерян, наверное, при переезде. Но это уже совсем другой эпизод из моей жизни.

***

Свобода! - это иллюзия в реальности,
И истина в осмыслении.

***

Завтра наступает сегодня,
А сегодня уже наступило вчера,
А вчера уже было завтра!

***

Лишь ей сейчас подчинена энергия,
И творчество материи моей.
Творения сует и судеб.
Стремлюсь познать сознанием того,
Что называется Душою!

***

Как трудно отыскать в нас искру Божью.
И так легко даются нам рефлексы от зверей.

***

Мы также в этот мир приходим,
В том одиночестве себя!
Себе попутчиков, творя.
И расставаясь на мгновенье,
Проснувшись,
В новый мир идём без сожаленья.
И осознание иного,
Уже творит материю другого.

***

Материя наша ограничивает осознанное восприятие Мира в целом, разделяя.
А Дух наш соединяет, с безграничностью и восприятием Мира, в целом. Соединяя.

***

Ты утром в зеркале,
Увидишь отражение Создателя,
А вечером -
Творение своё.

***

Моя страсть пугает!
Всё в ней кипит, горит
И, догорая пепел,
Его коснувшись дуновеньем,
Ветер унесёт.
В далёкую страну забвенья,
Откуда уж возврата нет,
И мой сосуд, наполненный Тобою,
Опустошался.
Безвременно, бессмысленно,
А я, лишь наслаждался.
Иллюзиями любви.
Но жизненных превратностей судьбы,
Моей Души поток унёс энергию,
Оставив в назидание наследства.
Пустой, но не разбившийся сосуд.

***

…Не неси и не проси прощения!
Счастье, иллюзорный миг,
Его пройдя.
Ты осмыслишь, лишь на расстоянии
В памяти Душой его храня!

***

Уметь отдать то, что тебе начинает уже не принадлежать,
А главное, не жалеть. Ибо отдав,
Ты приобретёшь сторицей…

***

Нам дан сосуд,
Наполненный Тобою.
И пронести,
Не расплескав его,

Отмерено своей судьбою,
Переведя сознанием,
В иное бытиё.

***

Доспехи золота,
Оковы для сознания!
И Духа разума,
И жизни бытия.

***

Все гонятся
За похотью желаний…
Любовью страсти
Называя то,
Что было некогда тобою!
Растаяло в тумане,
Растворив его.

***

Понять,
Осмыслить,
Осознать
И растворившись,
Опознать в себе другого.
Любовью сможешь ты назвать,
Всем, тем….
Для кого пожертвовал собою.

Я пришёл к мудрецу и спросил у него:
«Что такое любовь?»
Он сказал: «НИЧЕГО!
Но я знаю: написано множество книг...
ВЕЧНОСТЬ - пишут одни,
а другие - что МИГ.
То огнём опалит,
то растает, как снег...
Что такое любовь?
Это ВСЁ, человек!»

P.S. мною дописано.

А любовь это миг.
И болезни своей,
По прошествии лет,

Ты не вспомнишь о ней.
Всё быльём порастёт,
Так мудрец говорит,
А у глупого всё,
До сих пор и болит.

МАРАФОН

Вот долгожданный выстрел….
И сейчас нам предстоит
Дорога марафона.
Младые вырвались вперёд.
А мы, за ними тихо пыль глотая.
К чему Вам старикам? -
Кричат нам в след.
Все эти изнуряющие вёрсты.
А мы бежали.
И бежим вперёд,
Лишь молчаливо головой кивая.
Ещё немного пройдено пути.
И впереди дорога марафона.
Да, старики у нас всегда в чести.
И данный путь пройдём мы без обмана.
Пусть путь не лёгкий предстоит пройти.
И семь потов с нас сольётся.
Но жизни смысл до конца идти,
Хоть сердце ноет, но Душа смеётся.
Я знаю, добегут не все…,
И молодым у нас дорога.
Тот, кто не ищет лёгкого пути,
Всегда добьётся нужного итога.
И честь, хвала
Достанутся не всем.
Но смысл марафона не в хвалебной оде.
Здоровым телом он в чести!
Здоровым Духом!
И в здоровой плоти!

СОКОЛОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА

Содержание

В ГОСТЯХ У СВАТОВ

Была я в гостях у любимых сватов,
Отведала вкусных румяных блинов.
Ими меня сам сват угощал.
- Сегодня приду, - мне на ушко шептал.
Вижу, что сватья губенки надула
И грозно, сердито на мужа взглянула.
- Спасибо, пойду. До свиданья, родня.
Но сват проводить собрался меня.
Весь вечер была я сама не своя,
Сердечко щемило, права ль в этом я.
Стемнело. Я тихо калитку открыла,
Увидела свата и все позабыла.
Да ночка со сватом чудесной была.
Прости же ты, сватья, за это меня.

***

Я главного слова еще не сказала
И долго упорно об этом мечтала.
Любила, теряла, терпела, скорбила,
Силы упорно годами копила.
Из букв и слогов слова я слагала
И стихотворные строчки писала,
А получались из строчек стихи,
И получались они неплохи.
Но были нескладны, корявы,
Порой непонятны и были они
Не чьи-то – мои!
О людях пишу, о природе, о птицах:
О черных скворцах, о сороках, синицах;
О солнце, о небе, земле и луне,
О нашей России, о нашей стране.
От края до края поля и луга,
Реки, озера, моря и леса –
Все это наше, твое и мое,
А больше не нужно мне ничего.

***

К Дону я подошел,
Очень тихо сказал:
«Как давно, милый Дон,
Я тебя не видал.
Бились насмерть мы здесь

На крутом берегу,
Чтоб ни пяди земли
Не осталось врагу.
Разгромили врага,
Отстояли наш Дон.
И с тех пор я в тебя
Был навеки влюблен.
Где гремели бои -
Там останки лежат.
Красным цветом над ними
Тюльпаны горят».

***

Мы в двенадцатом живем
По утрам рано встаем.
День за днем и скоро месяц
Слава Богу проживем.
Снега мало – грязи много,
Очень скользкая дорога.
Где ж ты зимушка – зима?
Хоть бы в гости к нам пришла,
Чтоб играли в снежки дети.
Бабу снежную лепили
И как водится в год старый
Вокруг елочки ходили,
Пели песни и плясали,
Деда Мороза в гости звали.
Замела поля бы снегом,
Чтобы были мы все с хлебом.

Содержание

ТОРОПОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА **(1957 – 2011)**

ПРОСТИ

Скатилась по щеке слеза,
Жемчужинкой упав на платье,
Все мысли были о тебе,
Мне дарит жизнь свое коварство!
Иллюзия далеких снов,
В них верба в поле – королева!
Стоит одна среди снегов,
Среди рассветов и закатов…
Придет весна, растает снег,

Все в нашей жизни повторится…
И с обновленной кроной вновь
Та верба в полюшке проснется.
И я, как вербушка – одна.
Но только я не королева…
Прошу прости, прости меня
За миг коварства и измены.

ТЫ МОЙ

Мой ласковый, мой нежный, мой любимый!
Единственный, родной, необходимый!
Слова все эти я тебе дарю!
Лишь потому, что я тебя люблю!
С тобою рядом очень хорошо!
Подставишь ты всегда свое плечо,
Когда мне в жизни будет тяжело.
С тобою мне спокойно и легко!
И сердце для тебя мое стучит,
Душа моя с твоею говорит!
Когда ты возвращаешься домой
Все обретает неземной покой…

ЗЕРКАЛО

Посмотрела случайно в зеркало,
И увидела в нем себя,
Неопрятна и неухожена
Будто вовсе я не жила…
Помню юность свою счастливую.
Как любила тогда зеркала!
Отражало в них солнце ясное –
Это молодость розой цвела!
И пред ними кружилась, вертелась.
Я со всех сторон хороша!
На лицо свое долго глядела,
Любовалась собой без конца!
Наряжалась в новое платье.
Да сурьмой подводила глаза…
Перламутром красила губки,
Боже, как я была хороша!
И кудряшками волос пышный,
По моим стелился плечам!
Ах, куда же все это делось?!
Я сейчас не люблю зеркала.
Не хочу, чтобы в них отражалась
Неухоженность, старость моя…

МУЗЫКА ОСЕНИ

Ласковый музыкальный блюз нежно играют на скрипках деревья, дирижирует Осень. Смычки из тоненьких веток легко касаются струн. А осень так прекрасна в своем шелковом пурпурном платье, в пелерине зари. Завитки кос ее растрепались на ветру, на щеках играет багряный румянец. Тот же холодный ветер уносит вдаль печальную увертюру. Осень прекрасна! Она согревает меня, особенно в пору бабьего лета. Но вместе с недолгим его теплом, в душу закрадывается тоска и страдание. Что же ты делаешь, проказница Осень?!

Ты соберешь промокшие скрипки с деревьев, спрячешь их в свой разноцветный саквояж, и уже ничто не помешает ветру сорвать с них покров последней листвы. И придет упоительная тишина! Приподняв воротник у пальто, я пойду, шагая очень тихо, вдыхая последнее колдовство поздней осени.

ТУРЧЕНКОВ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

ПАМЯТНАЯ ДОСКА К ПАМЯТНИКУ ГЕРОЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Склоните головы пред памятью святой,
Тут вечным сном спят прадеды и деды,
Все обрели здесь вечный упокой,
Ведь каждый думал о своей победе.

***

Была война – брат воевал у белых.
А брат другой был красным командиром,
И оба тут – два воина умелых,
Знать не смогли поладить с миром…

***

Вечная память героям Гражданской,
Прадедам, дедам – земной им поклон,
Воинам верным России славянской,
Павшим за Русь, за любимый наш Дон.

***

Давно закончилась Гражданская война.
Здесь крепко спят герои той войны,
Брат против брата – за святую Русь,
Почтим молчанием, чтоб не нарушить сны.

СЛАВА ТЕБЕ РОССИЯ!

Столетия служили мы России,
И Мать – Россия обожала казаков,
Ведь не было на свете равной силы,
Чтоб устояла под напором Дончаков.

Пра-прадеды и деды – славушка России!
Кто устоял и побеждал Донцов?
Тевтоны, шведы, турки – жалкие «миссии»?
Никто не выстоял, погиб иль был таков…

Да, да! Бежали жалкие вояки,
Да что там шведы – сам Наполеон,
До самого Парижа без оглядки,
Бежал с позором из России он.

Не трогайте Россию, Господа!
Не зарьтесь на ее богатства!
Нельзя завоевать Россию никогда!
Пока живет Россия в братстве…

Здесь каждый человек живет Россией,
Ведь сотни лет тут жили его предки,
Нас не пугали никогда «миссии»,
Их били казаки, надежно и не редко…

НАШЕ ДЕТСТВО ВОЙНА СПАЛИЛА

И сколько б лет не миновало,
С той самой огненной поры,
Нас память сердца призывала,
Лишенной детства детворы…

По-моему глубокому убеждению именно эти обстоятельства сделали всех (или почти всех) нас такими упорными и настойчивыми в достижении цели, патриотами своей Родины (большой и малой). И одновременно такими беззащитными перед ударами судьбы.

Наше детство война спалила,
Нашу юность голод сморил,
И хоть тошно порою было,
Мы не ныли, никто не ныл…
«Я здоров! Я готов учиться,
Запишите меня в комсомол!
Я хочу, как никто, трудиться,
Я желаю – мой час пришел».
И страна доверяла парням,
Знала – эти не подведут.
Посылала нас в Заполярье,
На таежный глухой маршрут…

Сколько их, этих маршрутов пройдено!
Сколько голодных и холодных суток
В пути, в поле, в палатке, в спальнике –
Прямо на леднике…

Я много лет проработал в Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР и очень часто участвовал в качестве председателя Государственной комиссии по испытанию новой техники в различных почвенно-климатических зонах. По самым скромным подсчетам, маршруты этих испытаний на самолетах, вертолетах, поездах и автотранспорте исчисляются протяженностью в 80 тысяч километров – это примерно две кругосветки…

Не выдерживали и лопались моторы тягачей. Ложились, зарываясь мордой в снег, упряжки лаек. И только люди, те, которые с детства познали тяготы и лишения, которые были беспредельно преданы Родине, шли и шли, выполняя задания – одно, сложнее другого.

Мы были так воспитаны семьей, школой, самой жизнью…

Да! Жизнь – суровый учитель, каждому из нас выпала нелегкая доля…

ГИМН ГОРОДУ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ КАЛАЧ-НА-ДОНУ

Стоишь ты в излучине батюшки Дона,
Надежно стоишь, как казачий кордон.
И Слава твоя, наш герой непреклонный,
Веками слагалась из сотен имен…

Припев:
Мы верим тебе город предков, любимый.
Ты выстоял с честью в той страшной войне.
Мы славим тебя и поем тебе гимны.
Отрадно нам жить на казачьей земле.

Давно поселилось здесь гордое племя,
Надежный оплот всех российских царей.
Спасали мы Русь в очень давнее время,
Спасли в этот раз от фашистских зверей.

Припев:

Меж Волгой и Доном в сраженье столкнулись,
России сыны и фашизма оплот.
И болью и стоном сердца всколыхнулись,
Отсюда начнется победы отсчет.

Припев:

Содержание

***

Зимний вечер, ветер воет,
Ну, а дома благодать!
Чай вскипел, на стол накроем,
Будем холод запивать.
В городе – огни и грохот,
Лязг трамваев, суета,
И в квартирах, словно в сотах,
Сериалов череда.
А у нас прозрачный воздух,
Тишина наотмашь бьёт.
Надо взять бумагу, краски –
Ветра написать полёт.
Странно – мне совсем не жалко
Тех огней и тех машин.
В тишине хочу украдкой
Слушать музыку души.

ЦАРИЦЫНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Патриархальный, светлый быт,
Меж окнами фигурки
И фикус в уголке стоит,
А на трюмо шкатулки.
Просторный, крепкий, старый дом
В два этажа и кузня!
Мой прадед за большим столом
Хлебает щи с капустой.
Сейчас из церкви он пришёл,
Молился утром Богу
За то, что всё так хорошо
И в доме есть подмога.
И поперёк ему словцо
Сказать никто не смеет.
Своим пудовым кулаком
Он поучить сумеет.
Не знает он - ещё чуть-чуть
И счастье мещанина
Смурные ветры унесут,
А город сменит имя.
Ну, а пока работа есть
И дочки подрастают,
И в городском саду оркестр
По праздникам играет.

А барышни, раскрыв зонты,
Гуляют на вокзале
И к поезду несут сирень,
Что в сквере наломали.
И гимназисты по утрам
В пыли ботинки моют
И ждут, что старенький швейцар
В храм знаний дверь откроет.
В «Конкордии» сезон открыт
И в труппе новый тенор,
И говорят, что в синема′
Большие перемены.
У Волги шум и суета,
Копчёной рыбы запах,
А в бочках чёрная икра
Отправки ждёт на запад.
В цирюльне старый брадобрей
С клиентом шутит шутки.
Какой-то щёголь у дверей
Раскуривает трубку.
Городовой у будки встал
На всех глядит сердито,
Ведь дома штофик у него
Там водочка налита.
По Невской бабушка идёт
Ещё совсем девчонка….
Извозчик щёлкает кнутом
Стучат подковы звонко.
С утра горланят петухи,
А на обед стерлядка!
И пишут модные стихи
Мещаночки в тетрадках.
Но это всё одним штрихом
Злой рок перечеркнет
Уездным радостям простым –
Увы – конец придёт…

БАБОЧКИ

Живут стихи в душе моей
Как бабочки в коробке,
В случайно найденную щель
Выглядывают робко.
Они уснуть мне не дают
И часто так бывает:
Своими крыльями шуршат и сердце задевают.

Одна из них порой ночной
Несмело упорхнёт,
Но всё равно покой в душе
никак не настаёт...

***

Я люблю наш посёлок зимой.
Все попрятались в тёплые хатки,
Лишь напрасный собачий вой
Нарушает уют этот сладкий.
На минутку я дверь приоткрою
И морозный воздух впущу.
Всё окутано дымкой седою
Я по лету почти не грущу…

***

Как мало звуков у зимы!
Скрип снега, да синицы песня…
Безмолвны белые холмы
И на стекле узор чудесный.
Молчат деревья во дворе
Покрыты мягкой ватой,
Вода, застывшая в ведре,
Сосны зелёной лапы.

Бесшумен дом, бесшумен сад,
Замёрзли речки звуки!
Там даже рыбаки молчат
От холода и скуки.

Но я безмолвие люблю
В любое время года
И зимний сон не тороплю
Пусть отдохнёт природа.

***

Сегодня целый день метель
Не зная о глобальном потеплении
Взбивает белую постель,
Бросает пух без сожаленья.
В степи, не ведая преград,
Резвится быстрый ветер.
Снежинок рой вперёд назад
Гоняет до рассвета.

***

Вот и снег в гости к нам! Он приходит неслышно.
Пробежал по садам, по чернеющим крышам.
Белой лапой пушистой наследил во дворе
На душе стало чисто светлым днём в декабре.

ЧЕРУШЕВА НАДЕЖДА ИВАНОВНА

Содержание

***

Юноша играл на виолончели.
Звуки словно мотыльки летели.
Вот ведь удивительное дело,
Виолончель словно женщина пела.
Голосом то нежным, то страстным,
И всегда чарующе прекрасным!
Так с оркестром голос тот сливался,
Как в волшебной сказке оказался.

***

Когда поет Димитрий Хворостовский,
То сердце наполняется любовью.
Душа созвучна голоса паренью,
Я вся во власти чуда вдохновенья.
И каждый образ восхищает снова,
В нем красота души и сила слова.
Гармония царит здесь в каждом проявлении,
А гениальность истины рождает слезы восхищенья!

К 60 – ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
ВОЛГО-ДОНСКОГО СУДОХОДНОГО КАНАЛА

Воды Дона с Волгой рядом
Столько лет шумят каскадом,
На своих плечах могучих
Пароходов носят тучи.

Красота кругом такая,
Что плывут к нам и с Алтая,
Из Сибири, из Европы
Посмотреть на чудо чтобы.

Это чудо рукотворно.
Здесь трудились все упорно.
Красота далась не просто -
Многие уж на погосте.

Я ровесница канала.
Пролетело лет немало,
Как мои отец и мама
На открытии канала,
Видели его рожденье,
Вод совместное движенье.

Этим чудом рукотворным
Все народы восхищались,
Когда воды Дона с Волгой
Здесь на веки повстречались!

И, канал наш знаменит как прежде.
Мы всегда идем к нему с надеждой.
Ведь в него вложили жизнь и душу,
Люди, кто каналу верно служат.

Содержание

ШАВКУНОВА ЭМИЛИЯ ЛЕОНИДОВНА

О СТИХАХ

Когда на фоне неба голубого
Едва колышется зеленая листва,
Не хочется мне ничего другого,
Как говорить прекрасные слова.
Смотрю на нежные блестящие листочки,
Вдыхаю жадно аромат весны
И превращаю мысли в эти строчки,
Стихи весной особенно нужны.
Словно пчелы мысли роятся,
Создавая огромный комок.
Надо с мыслями вновь разобраться,
Записать их скорей на листок.
Записать деловито и внятно
В каждом слове идею сберечь.
Чтобы каждому было понятно,
Не о нем ли ведут эту речь.
Вновь пишу, имен не называя.
Просто так, порою ни о ком.
Буду рада, если кто узнает,
Что стихи писала я о нем.

НЕ УНЫВАЙ

Порой душа страдала,
Сердце ныло.
Жить не хотелось от чьего-то зла.
Но время шло,
Плохое уходило.
И вновь в душе черемуха цвела.

***

Живи и радуйся всегда, мой друг,
А если жизнь невыносимой станет,
Не унывай, а посмотри вокруг,
Тебя надежда в счастье не обманет!

Я НЕ БРОШЕН

Как быстро годы пролетели,
Промчались, словно тройка лошадей.
Мы многого с тобою не успели,
Но никогда об этом не жалей.
И не жалей того, что не вернется
Былая удаль, блеск в глазах,
А о минувшем вспомнить остается,
Тоску с печалью выразив в слезах.
Затем слезу, смахнув украдкой,
С улыбкой вспомнить о хорошем.
Сказать о чувствах очень кратко:
«Я людям нужен, я не брошен».

ШАРОВА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА

Содержание

КРЫНКА

- Мама, какая у тебя крынка, стеклянная, подари мне, я обещаю, она всегда будет стоять у меня с ромашками летом и с веточками зимой.

- Нет, дочь, не могу, - сказала Галина – эта крынка до конца дней моих будет со мной, в ней моя жизнь. Возьмёшь её себе, когда меня не станет.

- Как? - удивилась дочь, - а почему ты никогда мне не говорила о ней, да и вижу я её впервые в доме.

И Галина окунулась мыслями в осень 59-го года.

Осеннее солнце едва согревало землю, но земля была теплой - она ёщё не остыла от летнего тепла, хотя на утренней заре от неё шел едва заметный пар, она

остывала. Ветерок навевал дыхание дальнего костра. Пахло сухой травой и свежевскопанной землёй. Собранная картошка в корзинах и мешках стояла кружком. Анне не терпелось, ей хотелось скорее уйти с усадьбы.

– Галина, бери мешок и неси в сарай, чего ждёшь? Кого? Вон, какая здоровенная, чай упрёшь, у нас бабы не дожидаются мужей, – сказала она снохе, которая жила всего неделю в доме Анны.

Сноху Анна не приняла. Её возмущало, что Галина родила сразу двоих ребятишек и, хотя дети были в их породу, это раздражало её ещё сильнее. Да ещё этот южный говорок с украинским акцентом, сентиментальность, эмоциональность, а угодливость и весёлость! В тайне даже от себя, она завидовала таким людям, с ними было тепло и просто. Но гордая и недоступная она считала её простушкой, не достойной ни её сына, ни её самой.

- У людей снохи как снохи, а моя - в лесу леса не нашёл. Вон, какая плодовитая, она ему один раз двоих, да, другой раз двоих. Нет, уж лучше по сторонам.

Говорила она подругам, те недоумевали. У самой Анны было четверо детей.

Галина неуверенно подошла к мешку с картошкой, попыталась сдвинуть мешок с места. Анна с улыбкой подбежала к Галине, и в одно мгновение мешок оказался на спине снохи.

- Иди, чай дорогу знаешь?

Пошатываясь от тяжести, Галина медленно зашагала по вскопанной земле. Подходя к сараю, она почувствовала сильную боль внизу живота. Волна слабости парализовала руки, она опустила мешок на землю, сама присела на корточки. Резкая боль не давала подняться, потемнело в глазах. Скрипнула калитка, в голове мелькнуло: он.

- Что сидишь? Вставай, картошку надо убрать поскорее, - бросил ей муж, проходя мимо. Галина медленно стала подниматься, но новый приступ боли ослабил молодую женщину и она, теряя сознание, упала на мешок с картошкой. Приходить в себя стала на лестнице, ведущей на сеновал. Ноги не слушались и удерживали её только сильные руки мужа. Поднявшись на сеновал, перед собой увидела одеяло, маленькую подушку и не легла, а упала на одеяло. Ноги дрожали от напряжения и боли в пояснице. Теперь, в том, что была беременна, она не сомневалась, не сомневалась и в том, что вынашивать беременность уже не придётся. Муж, укрывая её фуфайкой, шепотом спросил:

- Что с тобой, Галька?

Комок в горле не давал ей говорить.

- Поди от её, она поганая! Поди! - послышался нервный голос матери, где-то внизу.

- Не мужское дело у бабьих ног сидеть, поди, - сказала, - картошка ждёт.

- Да, пошли вы, - буркнул Николай. Махнул рукой и спустился в хлев.

Галина осталась одна. Успокаивал её запах сена. Он навеял воспоминания о родной стороне. Перед глазами поплыли кубанские пшеничные поля, станица, утопающая в садах с побеленными хатами, цветущими акациями у отцовского дома. Вот она открывает калитку с деревянной вертушкой-запором и спускается в сад. Цветущие деревья с побелёнными стволами стоят как невесты в своем подвенечном убранстве. Она идёт по дорожке сада, останавливается у старой черешни, садится на

лавочку, на которой часто сидели с папаней, любуясь садом. Жужжат пчёлы, солнце греет её левую щёку, она закрывает глаза и сквозь ресницы смотрит на цветущие ветки, между ветками пробивается небесная лазурь. На мгновение переводит дыхание, а когда делает глубокий вдох, то ей кажется, что сливается со всей вселенной и растворяется в ней. Вот она выходит из сада, проходит мимо колодца заглядывает в него, увидев свое отражение, кричит – «эй», - услышав в ответ – «эээээй», направляется к крылечку. На крылечке кошка жмурится от весенних солнечных лучей, трехцветная маленьким котёнком тётка Мария принесла Галине её на счастье.

- Вот оно мое счастье… – шепчет Галина.

Успокаивается и снова перед глазами родительский дом. Ива, плачущая в жару, под окнами, на фоне белой хаты, цветущие ирисы. Она наклоняется над ними, запах пьянит её, весь сеновал наполняется ароматом весенних цветов.

- Пытушкы, - шепчет она и засыпает.

Сквозь маленькое оконце пробивается синий свет. Слышно как дышит и жуёт жвачку корова, в сене шуршат мыши. Галина проснулась от холода. Она приподнялась, укрыла ноги сеном, фуфайку натянула до подбородка, её знобило. Она почувствовала себя одинокой, брошенной.

– Так уже было, - мелькает мысль. Слёзы брызнули из её глаз, и она им дает полную свободу.

Нахлынули воспоминания. Комсомольская стройка пятьдесят четвёртого года Общежитие. Первая встреча с Николаем. Он красивый, простой, внимательный начал ухаживать за ней. В сентябре пятьдесят пятого расписались. Получили комнату в семейном общежитии. Галина сделала комнату уютным гнёздышком, в котором проживало вместе с ними их счастье. Но оно оказалось коротким для Галины. Счастье оборвалось с диагнозом:

– У вас двойня, готовьтесь.

Счастливая, она спешила к мужу с благой вестью. Благой она была для неё одной. Он же, узнав такую новость, замкнулся, стал грубым, чужим. А однажды бросил:

- Да ты опозорила меня! Как кошка, сразу двоих носишь.

Николай молча оформил отпуск с последующим увольнением и уехал в свою родную Кострому. Она осталась одна. До родов оставался месяц. Но стресс, перенесённый ею, закончился преждевременными родами. Через три дня на свет появились восьмимесячные мальчик и девочка. Роды были тяжелыми. За две недели к ней в роддом никто не пришёл. Мария и Сергей - самые лучшие друзья уехали на юг. Александр и Надежда – в свадебное путешествие. Ольга - к родителям. Она лежала, отвернувшись к стене закусив до боли губы, когда вечером окно палаты «облепливали» мужья, родственники и друзья лежащих вместе с нею рожениц.

На выписку с роддома пришла тётя Маша-вахтёрша и подружка Ольга только что приехавшая с Краснодара, отдохнувшая, загорелая с цветами и шампанским. Женщины приняли детей от медсестры, подбадривая Галину, пошли в общежитие. Принесли детей в комнату, положили поперек кровати, пошумели, поговорили и ушли на смену. А она осталась одна с двумя крошками в своём гнездышке. Некоторое время Галина находилась в оцепенении, потом взяла себя в руки и полетели дни, и ночи которым она потеряла начало и конец. Деньги кончались, молока не хватало, детей

надо было во что-то ещё и одевать. Она постоянно думала: как жить дальше? Дорога в отцовский дом закрыта.

Галина была вторым ребёнком в семье. Младше неё ещё пятеро. Отец, узнал о том, что если хоть один член семьи, проживавшей в сельской местности, работает в шахте, то с семьи снимаются все налоги, которые душили крестьянские семьи. Люди выживали чудом. Семья, в которой жила Галина, состояла из девяти человек. Оставить семью отец не мог. Старшая дочь была больным ребенком, младшей всего два года. Выбор Галина сделала сама. С большим трудом выхлопотал паспорт Галине дядя Михаил, работавший в сельском совете. И сразу же она уехала в Гуков. Ей не было восемнадцати лет. На работу её взяли в виде исключения. Пройдя медосмотр, она спустилась в шахту. Через месяц налог с семьи сняли. Заработанные деньги она отправляла отцу оставляя себе только на пропитание. Детям покупалась одежда в школу, учебники, школьные принадлежности. Пока работала на шахте, семья поднялась. На четвертом году, Галина заболела воспалением лёгких, узнав об этом, отец велел ей уволиться с работы. Выздоровев, она уехала с подругой Ольгой на комсомольскую стройку.

И сейчас, узнав о положении Галины, отец приехал бы, забрал её вместе с детьми, но позволить себе этого она не могла. Выход оставался один – телеграмма мужу. Она не представляла, как будет жить с предавшим её человеком. Но дети…они стали целью её жизни. Видно таков мой крест, - решила Галина, смирив себя, и послала телеграмму. Но, и первая, и третья телеграммы словно были пущены по ветру и не находили своего адресата. Николай приехал только через два месяца.

Вторые сутки Галина лежит на сеновале, никто не поднимается к ней. Озноб сменяется жаром. Хочется пить. Она слышит голоса детей, где-то обрывисто во дворе стучит молоток, доносится голос свекрови. К концу дня она услышала возню в хлеву, она позвала:

- Николай, Николай, Коль….

Кто-то подошёл к лестнице. Поднимается. Показался синий платок в белый горох.

- Ну, и чего тебе? Лежи да лежи. Почто тебе Николай, он работает.

- Мама, мне бы помыться, да кислого молока, жар у меня. Как де…

- Ишь барыня какая? Молоко пресное, кислое только свиньи едят! И для тебя одной баню топить не будем! - не дав договорить Галине, выпалила свекровь, и голова в синем платочке в белый горох, скрылась. Через время у ног Галины будет стоять банка с парным молоком и куском ржаного хлеба, но Галина не увидит её.

Высокая температура, кровотечение изнурили её. Желание увидеть детей, обиды ушли. Тело стало тяжёлым, наступило безразличие. Ей казалось, она летит над пропастью, вязнет в болоте, выбирается и падает в пропасть. Последний раз ей хочется посмотреть в небо. Она открывает глаза и видит женщину. Женщина приближается к ней. В её улыбке столько тепла и света… лицо такое близкое родное. Она напрягает память и узнаёт её

- Мамо, мамо…

Женщина подаёт ей крынку с молоком.

- Галя, доця, попый кыслячка!

Галина берёт крынку из рук матери и выпивает молоко. Молоко прохладное кислое свежее, а крынка, стеклянная - мелькает мысль. Никогда не видела стеклянную крынку – она улыбается. Мать наклоняется над дочерью, гладит её по голове.

- С богом, Галя.

Галина протянула руку, чтобы коснуться, матери рукой, но она исчезает. Остался только запах родного дома. Ей казалось, что она перешагнула неведомую черту. Сил не было, но желание жить крепло. Хлопнула дверь сарая. Галина услышала нервный голос свекрови.

- Фаина, не ходи туды, нечего тебе там делать. Уж не соседям в доме хозяйничать.

- Куды бабенку дела? Во, круговая!

Фаина поднялась по лестнице на сеновал. Увидев Галину, всплеснула руками.

- Батюшки, да живая ли ты?

- Живая, живая, - оживилась Галина.

Смотреть на неё было жалко. Бледное лицо, впалые глаза, заострившийся нос, синие губы вместо цветущей, кубанской казачки.

- Что случилось, я ребятишек, что не спрошу где мама, они мне: на сене, она поганая.

- Мешок я подняла… - чуть слышно сказала Галина.

- Да тебя в больницу надо, довезу ли? Трое суток…! - она снова всплеснула руками.

- Анна грей воды, давай чистое бельё. Николай, ступай к Фёдору, вели лошадь запрягать, - распорядилась Фаина.

С трудом Галину спустили с сеновала. Анна бросила к её ногам чистое бельё, хлопнув дверью, вышла во двор. Вечером Фаина привезла Галину в районную больницу. Доктор, осмотрев больную, недовольно покачал головой. А на вопрос Фаины, как она, развёл руками и резко перед ней закрыл дверь. Выжила тогда Галина чудом.

Прошли годы. Галина приехала на похороны мамы. Старшая сестра Рая, прожившая всю жизнь с мамой, спросила: «Чего бы ты, Галина, хотела в память о маме взять себе». Галина осмотрела скромную комнату, в которой жила мама и остановилась взглядом на стеклянной крынке.

- Рая, откуда у вас эта стеклянная крынка?

- Хочешь, бери. Это мамина крынка, ей много лет, - сказала сестра.

Галина прижала крынку к груди и заплакала.

- Я возьму крынку, мне больше ничего не надо.

Стеклянная крынка стоит на столе в доме дочери.

АКВАРЕЛИ

Я сегодня напишу снег.
Белый, белый!
Красных маков -
Поле.
Музыку листьев
и капли дождя

в ладонях.

Ещё напишу раннего утра блики:
облака… и росы.
И запах весны и песню.
Деву,
девичьи косы.

Напишу над столом икону.
Ночь Рождественскую.
Коляду,
лунный свет на снегу,
в ночи сияющую лампаду.

Отца напишу и маму.
Ирисов палисадник.
Сад напишу цветущий.
Светлый,
пасхальный,
праздник.

Ещё, напишу два сердца,
Вышедших из меня
Босые детские ноги…

Я
ещё,
напишу тебя!
И церквей золотых купола.
Закат, напишу
с белыми голубями…
Пшеницы зрелое поле,
…уходящую вдаль дорогу…

За акварели жизни,
Я благодарна богу!

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

Ночь.
Калитка открылась.
Кто-то, невидимый
Ходит у окон моих,
Себя пугаясь.
Хочу я понять
Где мой край?

Молюсь и каюсь…

Тот, не невидимый
Может моя душа?
Вылетев,
потерялась…
Смотрит в окна мои
словно в глаза незрячие.
Мои грехи,
…долги мои?
Всё проплачено.
Всё досказано,
долюблено.
А душа у окон моих
В ожидании дня,
Чуда?
…а может меня?
Как позвать мне её?
Что сказать?
Прошептать, закричать.
Спеть, заплакать,
А может,
кисть
В руки взять
Написать её свет?
Может ангела мне призвать?
А может тебя?
Набрать номер.
Гудок…
И твой голос…
Душа,
Я жду тебя!
Без тебя меня
Нет.
Без меня,
пуст мой дом
И Холод!
Что ты ищешь душа?
Что ты бродишь?
Собираешь обломки счастья?
путаных радуг цвета?
Закрываешь двери
Открытые настежь?
В лести истину ищешь?
В словах,

наспех брошенных
В сердце?
Не ходи,
Не ищи,
Не плачь!
Не зови,
Не кричи!
Истины нет на земле!!!
Душа,
Войди в меня,
Нам надо быть вместе!

ЗНАМЕНИЕ

Зима в тот год была тёплой. Даже рождественские морозы не сковали русло реки, и лед оставался непрочным даже у берега. Такой тёплой зимы не помнили даже старожилы. Приближался крещенский сочельник. Отец Геннадий надеялся на крещенские морозы, ждал, но морозца не было. Изменять празднику не стал и утром рано с помощниками пошёл на реку рубить прорубь для освещения воды в крещенскую ночь.

Всенощная служба подходила к концу. Прихожане уставшие, с сияющими лицами ждали главного момента христианского праздника – освящение воды, потом набрать святой водицы и принести святыньки в дом, ведь такое случается только один раз в году.

Поздравив всех с праздником, отец Геннадий сказал.

- Так как лёд очень тонкий, все желающие пойти к месту освящения воды, должны выполнить следующие условия: соблюдать дистанцию десять, пятнадцать метров; к проруби подходить по одному человеку; пожилым людям желательно оставаться в здании церкви. Воды вам принесём в храм. Без воды никто не уйдёт домой.

Благословив всех стоящих в церкви, отец Геннадий с матушкой Марией, с двумя сыновьями, певчими и с тремя прихожанами - мужчинами, с иконами в руках, с зажженными свечами, пошёл на реку к проруби. Смельчаков пройти к проруби было не так много. Людмила и Марина в нерешительности стояли на берегу. Лёд трещал, вода просачивалась на поверхность, снег смешивался с водой, мгновенно превращался в серую кашицу. Зажженные свечи, от внезапно поднявшегося ветра, гасли. Вода всё прибывала и прибывала.

Пережив страх, смирившись, Людмила перекрестилась и ступила в разжиженный снег.

- Останемся на льду и под лёд уйдём, тебя ради, Господи! Благослови!

В разжиженный снег следом за Людмилой, ступила и Марина.

Женщины разошлись и, соблюдая дистанцию, медленно стали двигаться в сторону места, где священник совершал обряд водосвятия. Лёд под ногами волнообразно двигался и шумно трещал. Воды уже было по щиколотку. Пройдя метров двадцать от берега, глянув в сторону батюшки с детьми и матушки, сердце Людмилы сжалось, она остановилась. Протянув руки к небу, Людмила взмолилась:

- Господи! Подай знамение, что они не утонут!

Чувство просьбы было так велико, что её тело с протянутыми вверх руками, произвольно наклонилось в сторону молящихся людей, руки дрожали.

- Господи, подай нам немощным, знаменье! – прошептала она ещё раз.

И вдруг, головной убор на голове батюшки превратился в горящий уголь.

- Марина, посмотри на голову батюшки! На головной убор, он горит!

Марина не понимала, о чём говорила подруга.

- Где горит? Что горит? Что ты имеешь в виду?

Догадавшись, что она ничего не видит, Людмила перекрестилась и всё поняла:

- Благодарю тебя господи! Прости меня!

Она смело пошла по прибывающей воде к вырубленному на льду кресту, через края которого лилась вода. Батюшка радостным голосом поздравлял всех с праздником, махая мокрой кистью окропляя всё и вся.

Людмила стала на колени у проруби и набирала воду всем желающим, не чувствуя холода. Радость праздника переполняла её. Уходя, домой, она подошла к батюшке.

- Отец Геннадий, я видела, было знамение…

- С праздником тебя Людмила!!! Ступай, ничего ты не видела! Иди с богом!

- С праздником, отец Геннадий! – уже смиренно сказала Людмила, получив благословление от отца Геннадия.

ЗАРИСОВКИ

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

- Вы хотите коснуться моей руки, не осознавая, что держите в руках мое сердце, – сказала она, задерживая взгляд на ветке тополя с единственным, желтым трепещущим на ветру листом.

Он растерялся…

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Взгляды их встретились. Они узнали друг друга. Молча, долго смотрели друг другу в глаза. Понимали оба, что пришли на землю только ради сегодняшней встречи, что шли к ней, ещё не родившись, встретившись, должны расстаться. Слишком долгим был путь. Великой радостью для обоих было осознание, что живут они на одной планете, родились в одно время, и каждый знает о встрече.

ДОЖДЬ

Идёт дождь. Бегут дождинки по стеклу, смывая злой и добрый взгляд. И мысль, и звук, что до дождя касались звонкого стекла. Бегут грустинки, смех течёт, текут улыбки, ревность, грусть….. А вот ЛЮБОВЬ! Она сияет на стекле не смытой крохотной звездой!

ЖАРА

Последний дождь прошёл в мае, а сейчас конец августа.

Раскалённая земля, и всё что на ней, устали от лучей палящего солнца. Всё просит глотка воды, взирая в небо.

Сегодня ты написал жаркий день, но в твоей знойной палитре, я узнаю воду.

Прошёл ещё один день неимоверной жары. Ночная духота, и дневной зной, смешались, породив немощь.

Всё вокруг тяжело дышит и ждёт живительной влаги.

Я снова открываю твой альбом и смотрю на палитру огня, и вижу каплю воды. Скоро, скоро зародившаяся капля, которую ты написал, сорвётся с неба на землю и на всё, что на ней, и затрепещет жизнь. Твоё творческое подсознание увидело её - каплю, там, в высоких энергиях.

Я жду дождя.
К полудню ветер пригнал тучи с востока, и упала животворящая капля на пыльный лепесток цветка, и вздрогнул цветок.
Вода тонкими штрихами срывается с неба. Шумит листва.
Идёт дождь.
Встреча воды с сухой землёй - захватывающее зрелище.
Вода желает просочиться, земля желает впитать. Акт взаимопроникновения одно из таинств бытия. Напитав землю, вода течёт бурлящими потоками к реке.
Когда становишься свидетелем подобного, осознаёшь великое – став малым, становишься частью великого.

***

Не дописано.
Не досказано,
чтоб однажды весенней порой
заблистать,
загореться молний,

громом грянуть!

Да, нет!
Постой!

Не дописано,
не досказано,
всё припрятано на потом?
Как надежда…,
Звезда из прошлого…
Всё из прошлого…!
Всё потом?

Допиши, доскажи,
не мучайся!
Ты надежд глухих не таи,
все из прошлого,
всё отпущено…

День горит!
И сегодня живи!

СНЫ

Я из прошлых твоих снов
Из печали, и прощений.
Я из прошлого.
Позволь,
Пусть летят, метут метели.

Пусть летят, метут метели,
Льют небесные дожди.
Жёлтый лист кружится тенью
И курлычут журавли.

Пусть сирень сегодня вяжет
Аромата кружева.
Ты же знаешь,
Время скажет:
Ты один и я одна…

Мы из прошлого.
Поверь мне.
Не вернуть былые дни.
Мы другие.
Мы чужие.
И друг другу не нужны.

***

Не могла я прийти …
С чужого сна.
Ни я на твоём плече лежала.
Спутал краски ты
Ночи и дня
Сон?
той,
другой -
бесцветное покрывало.
- Не бывает снов цветных!
Когда то с усмешкой
Она
сказала.

Нет,
на твоём плече
ни я лежала…

***

Приснились мне чужие сны.
Чужие сны – к цветному платью
белая заплата.
Чужие сны.
Не сбудутся они.
Чужому и чужая плата.